электронный научный журнал

Регионалистика

2019 Том 6 №1

regionalistica.org

В номере:

Стратегия пространственного развития РФ:
проблемы реализации

Мобильности открытого рынка:
пример Иркутска

Вернакулярные районы Хабаровска

DOI: 10.14530/reg.2019.1

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2019 Том 6 № 1

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований

Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

■ ■ ■ ■
Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

■ ■ ■ ■
Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор:

А.Н. Демьяненко,

д-р геогр. наук, профессор

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)

д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)

проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)

д-р социол. наук К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)

д-р социол. наук С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)

д-р социол. наук Э.О. Леонтьева (Хабаровск, Россия)

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук О.М. Прокапало (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

д-р полит. наук М.Ю. Урнов (Москва, Россия)

д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Председатель:

П.А. Минакир,

академик РАН

д-р филос. наук Л.Е. Бляхер (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)

чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)

д-р полит. наук С.В. Севастьянов (Владивосток, Россия)

чл.-корр. РАН В.И. Суслов (Новосибирск, Россия)

д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)

д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА →

Демьяненко А.Н.

О районировании и территориальном разделении труда (перечитывая классику) 5

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ →

*Бурак П.И., Ростанец В.Г.*Проблемы и перспективы реализации национальной политики
экономического роста на базе развития макрорегионов,
городских агломераций и минерально-сырьевых центров 16*Григоричев К.В., Тимошкин Д.О.*Базар в движении: Иркутский открытый рынок
как точка концентрации мобильностей 26*Ярулин И.Ф., Гарнага А.Ф.*Особенности взаимодействия населения города Хабаровска
с городской средой 40*Джурка Н.Г., Дёмина О.В.*Динамика мультипликативных эффектов ТЭК
в экономике Дальнего Востока 51

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF →

Demyanenko A.N.

On Regionalization and Territorial Division of Labor (Re-Reading the Classics) 5

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS →

*Burak P.I., Rostanets V.G.*Problems and Prospects of Implementation of the National Policy
of Economic Growth on the Basis of the Development of Macroregions,
Urban Agglomerations and Mineral Resource Centers 16*Grigoriev K.V., Timoshkin D.O.*

Bazaar in the Motion: Irkutsk Open Market as a Concentration Point of Mobilities 26

*Yarulin I.F., Garnaga A.F.*Features of the Interaction of the Population of Khabarovsk City
with the Urban Environment 40*Dzhurka N.G., Dyomina O.V.*Dynamics of Multiplicative Effects of the Fuel and Energy Complex
in the Economy of the Russian Far East 51

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических
наук, профессор, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 33 + 91 + 316

**О РАЙОНИРОВАНИИ
И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗДЕЛЕНИИ
ТРУДА (ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ)**

В статье предпринята попытка привлечь внимание читателей к теоретическим работам классиков экономической теории, экономической географии и социологии, имеющим отношение к проблемам исследования территориального разделения труда. Автор приходит к заключению, что многие идеи классиков, в том числе и отечественной науки, не потеряли своей актуальности и в наше время.

*Районирование, районообразование, территориальное
разделение труда, общественное разделение труда*

**ON REGIONALIZATION AND TERRITORIAL
DIVISION OF LABOR (RE-READING
THE CLASSICS)**

An attempt to draw readers' attention to the theoretical works of the classics of economic theory, economic geography and sociology, relevant to the problems of the study of the territorial division of labor, was made in the article. The author comes to the conclusion that many of the ideas of the classics, including domestic science, have not lost their relevance in our time.

*Regionalization, formation of regions, territorial division of
labor, social division of labor*

Введение

Данную статью следует рассматривать как продолжение статьи «Об экономическом районировании и районообразовании», опубликованной в шестом номере «Регионалистики» за прошлый год [8]. Это обстоятельство позволяет мне не входить в обсуждение вопросов, имеющих отношение к теории и методологии экономического районирования, и обратить основное внимание на рассмотрение роли и места территориального разделения труда в процессах районообразования.

Длившиеся не одно десятилетие дискуссии в отечественной экономической географии и региональной экономике относительно природы экономического районирования можно считать завершившимися. Надолго? Время покажет. Сейчас же можно констатировать: сложился консенсус относительно того, что районирование – «субъективный процесс (метод) анализа географической (пространственной) дифференциации природы, населения, хозяйства и выделения тех или иных районов» [2, с. 26], тогда как районообразование – процесс объективный.

К этому следует добавить, что практически все исследователи, имеющие отношение к изучению процессов районообразования, солидарны в том, что в основе районообразования лежит территориальное (географическое) разделение труда (ТРТ)¹, что и даёт основание говорить об объективном характере районообразования².

Сложилось и общее понимание того, что ТРТ представляет собой «пространственную форму общественного разделения труда» [3, с. 96] и в то же время «систему понятий» [3, с. 126], что предпосылки ТРТ имеют как природный, так и социальный характер³, что ТРТ является процессом эволюционным или, иначе, исторически изменчивым.

Но затем приходится констатировать: роль ТРТ в процессах формирования и эволюции территориальных экономических систем всё ещё остаётся малоизученной темой и в теоретическом, и в методологическом плане. Эти вопросы крайне далеки от мейнстрима как в отечественной пространственной экономике, так и в социально-экономической географии.

Возможно, это связано с тем, что сам процесс закрепления тех или иных видов деятельности человека за определёнными местностями (местоположениями, локусами и т.п.) повсеместно и настолько стал привычным явлением в нашей повседневной жизни, что мы уже едва ли обращаем на него внимание. Но, возможно, причина заключается в том, что ТРТ, при кажу-

¹ Здесь и далее мы рассматриваем территориальное и географическое разделение труда как синонимы. Как справедливо в своё время отметил Ю.Г. Саушкин, географы предпочитают термин «географическое разделение труда», тогда как экономисты – «территориальное разделение труда» [16, с. 348].

² Показательно, что ТРТ как в теоретическое обоснование районообразования появляется в работах отечественных исследователей уже в 20-е годы прошлого века [1; 4; 5; 12; 15]. Приведу несколько выдержек из основательно забытой монографии И. Алкина: «Экономический район есть результат географического разделения труда, и есть наиболее сложное явление, изучаемое в экономической географии» [1, с. 18], тогда как «территориальное проявление общественного разделения труда, когда отдельные стадии производства «прикрепляются», локализируются в определённых областях, мы называем географическим или территориальным разделением труда» [1, с. 10]. Любопытно, что все без исключения упомянутые (и многие неупомянутые) мною авторы были единодушны в одном: экономическая география – часть экономической науки («экономическая география – одна из наиболее молодых составных частей в комплексе экономических наук...» [5, с. 5]; «...экономическая география есть не часть географии, а часть экономики. Она есть наука экономическая, а не географическая» [12, с. 40–41]; «экономической географией мы называем такую отрасль общественно-экономических наук, которая изучает размещение хозяйственных явлений в пространстве, связанном общественным разделением труда» [15, с. 38–39]).

³ В уже упоминавшейся работе О.А. Константинова отмечается, что «...одной из главных задач методологии экономической географии является разработка вопроса о природных и социальных предпосылках географического разделения труда» [12, с. 90].

щейся простоте, – это крайне сложное явление, понять которое можно, только если использовать для его анализа не только теоретические концепции экономической науки, но и экономической географии, а также социологии.

Классики экономической теории и социологии о разделении труда

Для начала обратимся к эволюции взглядов на ТРТ в экономической теории. Первоначально, в рамках классической традиции (А. Смит, Д. Рикардо), основное внимание уделялось ТРТ в контексте международной торговли, а в исследовательском фокусе находились сравнительные и абсолютные преимущества стран¹.

Затем, в период между двумя мировыми войнами, во многом благодаря работам Э. Хекшера и Б. Олина, происходит смещение внимания на различия отдельных стран в обеспеченности факторами производства: трудом и капиталом.

При этом чем дальше, тем в большей степени идеи шведских учёных относительно природы международного разделения труда и международной торговли шли в направлении создания всё более изощрённого инструментария анализа: «Оборотной стороной такого методологического реформирования стал отказ от историко-описательного анализа реальных экономических процессов и явлений» [18, с. 270]².

Однако было бы упрощением свести всё к исследованиям классиков и неоклассиков международного разделения труда и международной торговли. Были исключения. В частности, ряд исследователей, включая В.В. Леонтьева, высказывал сомнения в эмпирической состоятельности теоремы Хекшера – Олина. Но был и ещё один подход к исследованию ТРТ. И был он реализован А. Лёшем. Однако этот сюжет будет рассмотрен более подробно ниже, а сейчас мы рассмотрим основные направления эволюции ТРТ в смежных научных дисциплинах.

И вновь возвращаемся к классике, только сейчас социологии. Здесь мы просто обречены обратиться к работам Э. Дюркгейма, прежде всего – к его монографическому исследованию «О разделении общественного труда» [10].

Исходный тезис его теоретической конструкции был следующим: «...разделение труда свойственно не только миру экономики; его возрастающее влияние можно наблюдать в самых разнообразных областях общественной жизни. Политические, административные, судебные функции всё более и более специализируются. То же самое происходит с искусством и наукой» [10, с. 47]. То есть, по Дюркгейму, разделение труда – не только и даже возможно не столько экономическое явление, но явление, запускающее механизм трансформации общества в целом.

А это, в свою очередь, становится возможным в силу того, что «...наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность

¹ Чтобы не углубляться в детальное рассмотрение данного вопроса, ограничимся тем, что сошлёмся на двух более чем просто авторитетных экономистов-теоретиков: «никто ни до, ни после А. Смита никогда не придавал такого значения разделению труда. По Смицу, оно является практически единственным фактором экономического прогресса» [20, с. 240]; «благополучие народа зависит от его производства. Но величина производства зависит в свою очередь от разделения труда...» [13, с. 92]; «Адам Смит был прав, настаивая на важности разделения труда, а мы ошибаемся, пренебрегая им» [13, с. 93].

² Интересно мнение Г. фон Шмоллера относительно состояния теории разделения труда после Адама Смита: «Его продолжатели с удивительной бедностью мысли неотрывно привязывались к его примерам и замечаниям до тех пор, пока социалисты не расширили поля своих наблюдений и не противопоставили разделение труда в теперешних фабриках разделению его в мастерских XVIII в. Но и этим путём теория не была развита систематически и глубоко; технологические размышления или банальные наблюдения некоторых экономистов также не смогли существенно способствовать развитию этих идей» (цит. по [10, с. 53]). Подробнее об эволюции теории международной торговли см. в [19].

разделённых функций, но в том, что оно делает их солидарными» [10, с. 67]. Причём солидарность, вызываемая разделением труда, или органическая солидарность, качественно отличается от механической солидарности: в то время как механическая солидарность «требуется, чтобы индивиды походили друг на друга», солидарность органическая «предполагает, что они друг от друга отличаются» [10, с. 139]. Естественно, что первая, по мнению Э. Дюркгейма, возможна «лишь постольку, поскольку индивидуальная личность поглощена коллективной; вторая возможна только при условии, если всякий имеет свою собственную сферу действия, а следовательно, и личность» [10, с. 139].

На первый взгляд, всё сказанное выше относительно разделения труда имеет весьма отдалённое отношение к заявленной теме, к тому же теоретические построения Э. Дюркгейма имеют вполне конкретную историческую привязку к эпохе массового производства.

Тем не менее, и сейчас, как и во времена Дюркгейма, «общества базируются на разделении труда, определяемом огромным числом профессиональных категорий и растущей специализацией» [6, с. 137–138]. И этого не отменяет тот факт, что «с 1970–1980-х годов наблюдался процесс демонтажа старой модели массового производства стандартизированной продукции на крупных предприятиях и переход к производству, адаптированному к целевым нишевым рынкам» [6, с. 140].

Прав оказался классик и в том, что разделение труда привело к глобальной взаимозависимости (в том числе и в экономической сфере), и стало это возможным в силу того, что разделение труда сделало более тесными контакты между людьми¹.

И завершим обращение к социологической классике в контексте ТРТ цитатой из ещё одной работы Э. Дюркгейма: «...территория, её размеры, конфигурация, состав передвигающегося по её поверхности населения – всё это, естественно, важные факторы социальной жизни; это её субстрат» [11, с. 275]. И этот субстрат (то есть, в конечном счёте, территориальные социально-экономические образования) определяет в том числе и социальные взаимодействия. Дюркгейм полагал, что круг вопросов, имеющих отношение к взаимоотношению между «территорией» и социальными процессами, следует рассматривать как объект особой социальной науки – «социальной морфологии». Также Дюркгейм делает одну крайне любопытную оговорку – «то, что немцы называют «антропогеографией», имеет известное отношение к тому, что мы называем социальной морфологией» [11, с. 275] – и при этом указывает на труды Ф. Ратцеля и П. Видаля де ла Блаша².

И коль скоро мы вышли на географические аспекты ТРТ, то нам придётся обратиться к наследию, оставленному нам отечественными географами начала прошлого века.

ТРТ в отечественной экономической географии

Здесь, следуя устоявшейся традиции, следовало бы начать с работ Н.Н. Баранского. И мы к ним вернёмся, но несколько позже. А сейчас обратим внимание на работы С.В. Бернштейн-Когана начала 1920-х гг. [4; 5].

Наверное, здесь уместна справка: в 1921 г., буквально с первых заседаний Комиссии по районированию Госплана РСФСР, С.В. Бернштейн-Коган (тогда ещё только профессор Ива-

¹ Здесь будет уместна реплика из дня сегодняшнего: «Глобальное разделение труда может иметь множество преимуществ для западного потребителя, но оно также источник множества страданий и эксплуатации» [6, с. 139]. Если попытаться развить этот тезис, то можно прийти к следующему заключению: разделение труда, в том числе и территориальное, может иметь множество преимуществ для населения и бизнеса в одних регионах, но оно может служить источником проблем социального и экономического характера для населения и бизнеса – в других.

² Если продолжить этот ряд, то в нём найдется место и для К. Риттера, и для В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

новского университета) привлекался к разработке, как бы сказали сейчас, теоретических и методологических проблем экономического районирования¹. Более того, именно С.В. Бернштейн-Коган рассматривался современниками как своего рода идеолог районного направления в отечественной экономической географии².

Поэтому не случайно его участие в сборнике статей «Экономическое районирование России», авторами которого были сотрудники Госплана. И в статье С.В. Бернштейн-Коган «К вопросу о программе и методах составления обзоров и хозяйственных планов» из упомянутого выше сборника мы находим несколько важных для понимания природы ТРТ положений. По мнению С.В. Бернштейн-Когана, ТРТ находит своё проявление в специализации отдельных районов³, что предполагает соблюдение как минимум двух предпосылок: «некоторого природного разнообразия между отдельными частями страны, без чего никакая дифференциация не была бы возможна, и развитие путей сообщения» [4, с. 25]. Конечно, здесь возможны возражения: сейчас, в эпоху информатизации, да к тому же цифровизации, сжатия пространства и прочее, говорить о природном разнообразии как-то не комильфо⁴.

Теперь рассмотрим то, как было представлено ТРТ С.В. Бернштейн-Коганом в его работе «Очерки экономической географии» [5]⁵. Но прежде всего зафиксируем вслед за автором «Очерков» одно крайне важное для последующего изложения положение. Это определение того, что есть экономический район и что есть экономическая география: «мы полагаем, что ключ к целому ряду трудностей, с этим вопросом [о предмете и методе] связанных, был бы найден, если бы в основу экономико-географического исследования положено было понятие, коррелятивное понятию ландшафта в чистой географии. Таковым нам представляется понятие «экономического района»» [5, с. 13], тогда как «экономическая география есть наука об экономических районах и их взаимодействии» [5, с. 14].

Сделаем единственное пояснение: «чистая география» сейчас – не что иное, как физическая география. Но главное – появление в определении экономического района, хотя и в

¹ Так, 22 июля 1921 г. С.В. Бернштейн-Коган делает доклад «Иваново-Вознесенский район в связи с общей постановкой вопроса о разработке районов», по обсуждению которого было принято решение: «Признать предложенную программу вполне приемлемой, дополнив её изучением вопросов внутрирайонного транспорта, рынков сбыта и связи между районами» (ГАЭ. Фонд 4372. Оп. 15. Ед. хр. 1. Л. 13). 2 августа 1921 г. на заседании Комиссии по районированию С.В. Бернштейн-Коган представляет детальную программу изучения Ивановского района, которая была принята с незначительными замечаниями (ГАЭ. Фонд 4372. Оп. 15. Ед. хр. 1. Л. 13).

² См., например, [12].

³ В другой работе, о которой речь ниже, он сформулировал это положение ещё более определённо: «...географическое разделение труда, точно также как и всякое иное, сопровождается специализацией» [4, с. 77]. Но в обоих случаях речь идёт о районах, а не губерниях и других единицах административно-территориального деления. И никакого упоминания о том, что специализация районов может быть эффективной или неэффективной, как это находим мы в «Стратегии пространственного развития РФ».

⁴ Впрочем, в этой же статье есть ещё одно положение, которое следует упомянуть в контексте современных дискуссий относительно «Стратегии пространственного развития РФ». Я имею в виду следующее: «...суметь выделить районы из состава единой территории и указать каждому району в соответствии с его природными данными, составом и движением населения и его историей – его роль и функцию в народном хозяйстве страны, – это, в сущности, значит составить настоящий план экономической политики или хозяйства» [4, с. 26]. В другой работе это положение получает более развёрнутое обоснование. С.В. Бернштейн-Коган считает, что для того, чтобы конструировать районы, «необходимо заранее иметь для каждого района «рабочую гипотезу», предположительно считая ту или иную отрасль его народного хозяйства основной и наиболее характерной» [4, с. 19]. А на вопрос «откуда взять рабочую гипотезу?» следует ответ: из истории: «Если и чистая география должна считаться с историей ландшафта ... то тем более это неизбежно для современной экономической географии, изучающей свои основные объекты, экономические районы...» [4, с. 19–20]. Поэтому и классификация районов должна быть генетической.

⁵ Напомним, что эта работа «сложилась из лекций, читанных автором в различных учебных заведениях, иногда перед мало подготовленной аудиторией, почему и приходится быть по возможности популярным» [5, с. 3].

неявной форме, ландшафта, то есть комплекса. Дело в том, что со времён А. Гумбольдта и К. Риттера в географии (тогда ещё единой) ландшафт воспринимался как территориальный комплекс и как концепция, позволяющая выявить причинно-следственные связи между разнородными элементами природной среды. Более того, это единство распространялось и на отношение человека к природе.

Далее следует отметить, что для С.В. Бернштейн-Когана географическое разделение труда – это исторически изменчивый процесс, который протекает в совершенно конкретном природном контексте: «При этом совершенно ясно, что в результате совокупного действия природных факторов и географического разделения труда наметился целый ряд более или менее определённых типов экономических районов или их комплексов (каковыми обычно являются те или иные политические единства)» [5, с. 79].

И хотя это утверждение опиралось на анализ ТРТ на глобальном уровне, оно имеет отношение и к процессам ТРТ на уровне национальной экономики. Как и нижеследующее: «...чем разнороднее экономические районы, тем они лучше друг друга дополняют («комплиментарные» районы в точном смысле слова), чем они однороднее, тем больше в процессе географического разделения труда друг с другом конкурируют и тем в меньшей степени может сказаться полезный эффект этого разделения труда. Таким образом, комплексы, в зависимости от указанных условий, могут быть в большей или меньшей степени гармоничными» [5, с. 194].

Здесь важно отметить, что экономические районы могут не только дополнять друг друга, формируя гармоничные комплексы, но и конкурировать друг с другом. Причём вероятность возникновения гармоничных комплексов экономических районов тем выше, чем более отчётливо выражена их специализация.

Увы, но такого рода суждения не очень согласовывались с идеологическими и политическими условиями того времени, и чем дальше, тем больше. Тем не менее, сказать, что в советский период своей истории отечественная географическая наука не обращалась к теме «ТРТ и экономическое районирование», было бы неверно¹. И здесь следует обратить внимание на некоторые идеи, высказанные в своё время Н.Н. Баранским.

Для Н.Н. Баранского географическое разделение труда – это система понятий, отражающих, в конечном счёте, совокупность процессов взаимодействия отрасли и территории. Именно благодаря географическому разделению труда, которое является пространственной формой общественного разделения труда, «экономические районы формируются, дифференцируются и поддерживаются в постоянном между собой взаимодействии...» [3, с. 125–126].

Своего рода логическим завершением теоретических исканий в исследовании ТРТ в советской географии стало признание, что «основной базой районирования является общественное разделение труда, выраженное в территориальной специализации занятий населения. Только такая часть тела народного хозяйства может быть выделена в особую административно-экономическую единицу, которая имеет свои специфические, устойчивые и важные в жизни хозяйства страны функции» [15, с. 37]. Или, говоря иначе, в условиях победившего социализма экономические районы становятся также районами административными. И в этом есть определённый смысл, который исчезает по мере того, как административно-территориальные единицы перестают быть пространственными экономическими системами. То есть происходит отказ от принципов экономического районирования в пользу удобства управления².

¹ Помимо исследователей, работы которых уже упоминались в данной статье, этой теме отдали должное В.Н. Четыркин, Н.Т. Агафонов, Б.С. Хорев, А.И. Чистобаев и ещё целый ряд экономико-географов, См. также [9; 16].

² Подробно эта метаморфоза была рассмотрена нами в [9].

ТРТ в творческом наследии Августа Лёша

Обычно сюжет, вынесенный в название раздела и достаточно детально изложенный А. Лёшем в его монографическом исследовании [14], привлекает мало внимания современных исследователей¹, а он того стоит. Поэтому в предельно краткой форме остановимся на содержании соответствующих глав упомянутой книги, акцентируя внимание на логике анализа ТРТ. Прежде всего А. Лёш считает должным отметить, что рассматривает он «особенности разделения труда, а не его причины», полагая, что «причиной, в конечном счёте, будет старое знакомое нам трио: местоположение, условия снабжения и объём производства» [14, с. 213]².

Что же касается особенностей разделения труда, то этот сюжет А. Лёш начинает с выделения шести основных проблем разделения труда:

1. Выбор профессии.
2. Сотрудничество людей на предприятии.
3. Выбор местожительства (эмиграция) и характера размещения населения.
4. Социология в городах.
5. «Торговая палата» (перспектива развития города).
6. Традиционная проблема размещения [14, с. 213].

Сразу же отметим, что не стоит искать отдельных параграфов или разделов под каждую из перечисленных выше проблем – их нет. Но есть логически выверенная схема анализа, которой автор и собирается придерживаться.

Но прежде вслед за А. Лёшем зафиксируем: «Предварительный ответ на все шесть вопросов может сначала показаться слишком общим или даже наивным. В каждом отдельном случае дело сводится к максимизации... Мы стремимся извлечь максимально возможное из каждого положения» [14, с. 213]. Но как только мы переходим на следующий уровень анализа, который предполагает поиск более точных и детализированных заключений, то выясняется, что он «возможен только при отказе от всеобъемлющей трактовки проблемы» » [14, с. 214].

И этот двухуровневый анализ ТРТ осуществляется А. Лёшем последовательно в отношении индивидуума, отрасли и, наконец, местоположения. Более того, этот анализ предполагает первоначально рассмотрение проблем ТРТ во взаимной связи (*рис. 1*), а затем каждая из этих проблем рассматривается по отдельности, более детально.

Так как объём настоящей статьи не безграничен, то я посчитал целесообразным остановиться лишь на некоторых результатах анализа ТРТ, выполненного А. Лёшем, которые, по моему мнению, актуальны для современной российской действительности. И начнём со следующего утверждения: «В одном и том же месте сосредотачиваются все те³, кто извлекает здесь наибольшую для себя выгоду, даже если при этом приходится поступиться возмещением расходов на переезд и компенсацией за потери, связанные с утратой родины⁴» [14, с. 232]. Показательно, что «место» в данном случае – и населённый пункт, и экономический ландшафт, и страна, и даже континент.

¹ Показательно, что ни академик А.Г. Гранберг – автор предисловия к новому изданию монографии А. Лёша [7], ни В.А. Шупер [21] – автор послесловия не обратили на этот сюжет практически никакого внимания.

² При этом А. Лёш не забывает напомнить, что «темой нашей книги является сочетание человека, работы и места» [14, с. 213].

³ Их общая численность, в свою очередь, влияет на выгоду, извлекаемую отдельным лицом (например, через уровень доходов и заработной платы).

⁴ Некоторые скопления людей в определённых местах нельзя объяснить какими-либо особыми, свойственными им всем чертами, точно так же, как ими нельзя объяснить, почему данная группа людей тяготеет к определённому занятию или предприятию.

Рис. 1. Схематическое изображение шести важнейших проблем разделения труда [14, с. 214]

В контексте дня сегодняшнего, когда отовсюду слышны призывы, что миграционные потоки устремляются вовсе не на Восток, а к столицам и на Кубань, самое время выяснить, во-первых, какие группы населения и в каких конкретно местах нужны на Востоке, и, во-вторых, понять, какие выгоды они ожидают получить в местах вселения. Причём, и это крайне важно, речь идёт не только об экономической выгоде.

Что же касается ещё одной проблемы – как развивать Восток, то здесь следует иметь в виду следующее: «...в любом месте выпускается та продукция, которую позволяют производить конкурирующие с ним соседние пункты» [14, с. 235]. То есть прежде чем приступать к разработке и реализации мер по привлечению бизнеса в регион, следует определиться с конкурентными преимуществами региона как некой совокупности мест. Но при этом следует выявить, как «вновь привлекаемые в данную местность предприятия сами взаимно повлияют на исходные расчёты, и, в частности, определить тот уровень цен, при котором будет достигнуто конечное состояние равновесия» [14, с. 236].

Но и это ещё не всё. Дело в том, что «точки размещения промышленных предприятий распределяются обычно не беспорядочно, а группируются в экономические ландшафты с главным городом в центре, причём остальные города занимают места, выгодные в транспортном отношении» [14, с. 236]. То есть при разработке программ развития региона необходим прогноз, в рамках которого определяются не только параметры будущего состояния отдельных отраслевых рынков, но и пространственная организация экономической деятельности и систем расселения населения.

При этом следует иметь в виду, что, «строго говоря, все точки размещения промышленных предприятий зависят друг от друга. Ни одно местоположение и ни один фактор размещения нельзя считать основным, а все остальные – второстепенными» [14, с. 236]. В этой связи как минимум неоднозначно выглядят предложения о необходимости создания особых институциональных режимов для отдельных отраслей (а нередко – отдельных фирм) и мест.

И хотя А. Лёш основное внимание уделил анализу форм проявления ТРТ, он не оставил вниманием рассмотрение причин ТРТ, среди которых особо выделил «экономическую неоднородность государств», которая, как правило, возрастает по мере увеличения протяжённости территории и страны, и региона.

Поэтому столь многочисленны попытки пренебречь неоднородностью экономического пространства, которые рассматривают отдельные регионы (и страны) как отдельные точки «и считают, что они учли всё, что нужно, приняв во внимание стоимость перевозок между странами!» [14, с. 236].

Конечно, это большое упрощение реальности, но со времён А. Лёша в этом отношении мало что изменилось. Как ввести в экономический анализ пространство, причём учесть имманентно присущее ему свойство неоднородности – всё ещё остается неразрешимой задачей. Возможно, это тот случай, когда однозначного решения просто нет, и решать приходится всякий раз заново, исходя из особенностей времени и места.

В любом случае, рассуждая о неоднородности экономического пространства, следует иметь в виду, что «люди и природные богатства меняются от места к месту». Кроме того, «спрос в разных местах тоже не одинаков, и не в меньшей степени различен спрос, предъявляемый из-за границы». Наконец, «от места к месту меняется не только уровень цен, но и их динамика» [14, с. 237].

При этом следует иметь в виду, что «изменение в разделении труда хотя бы только между двумя местностями приводит в результате движения цен к преобразованию всей системы» [14, с. 250]. Если же происходит изменение в ТРТ не между двумя местами, а большим их числом, а тем более если изменения имеют место на уровне экономического ландшафта (района), то выявить и оценить последствия этих изменений – далеко не тривиальная задача.

Последний сюжет, на который я хотел бы обратить внимание читателя: «Мы не собирались дать полное обоснование рационального выбора размещения производства. Наши выводы не обязательно верны, но, во всяком случае, они вероятны. Подобные приближенные правила имеют большее практическое значение, чем научно обоснованные рассуждения, подчёркивающие безграничные взаимоотношения различных факторов» [14, с. 244].

Заключение

«Читайте и перечитывайте классику» – такими словами И. Волгин заканчивает свои передачи на телеканале «Культура». И я с ним полностью солидарен. Ибо, читая и перечитывая классику, от Адама Смита и Эмиля Дюркгейма до Августа Лёша, мы не только получаем эстетическое удовольствие. Мы получаем возможность понять, что общественное разделение труда и ТРТ сопровождаются не только появлением всё новых и новых профессий, видов экономической деятельности и всё большим усложнением связей между ними, но и появлением всё новых и новых видов пространственных экономических систем. Более того, происходит не только усложнение связей между этими системами, но и между последними и пространственными социальными и природными системами.

Возможно, перечитывая классику, мы также осознаем и то, что «принять закон не означает решить проблему» [17, с. 53], что любые институциональные новации, преследующие качественные изменения в пространственной организации экономики страны или региона, должны учитывать направленность и формы проявления ТРТ и обусловленные ими процессы районообразования.

¹ И, добавим от себя, районами.

Список литературы

1. Алкин И. Средняя Азия. Экономико-географический очерк Кара-Калпакстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Часть I. М., 1931. 389 с.
2. Бакланов П.Я. О содержании и «смыслах» социально-экономического районирования // Географический вестник. 2018. № 3. С. 24–30. DOI: 10.17072/2079-7877-2018-3-24-30
3. Баранский Н.Н. Географическое разделение труда // Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 96–127.
4. Бернштейн-Коган С.В. К вопросу о программе и методах составления порайонных обзоров и хозяйственных планов // Экономическое районирование России. М., 1921. С. 23–29.
5. Бернштейн-Коган С.В. Очерки экономической географии. Вып. 1. М.: Госиздат, 1922. 197 с.
6. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с.
7. Гранберг А.Г. Классика пространственной экономики // Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. С. 7–29.
8. Демьяненко А.Н. Об экономическом районировании и районообразовании // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 5–17. DOI: 10.14530/reg.2018.6.5
9. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
11. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 265–285.
12. Константинов О.А. Предмет и метод экономической географии. М. – Л.: Госиздат, 1926. 136 с.
13. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 288 с.
14. Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. 455 с.
15. Рыбников А.А. Основные вопросы экономической географии. М.: Изд-во Коммунистического университета, 1930. 256 с.
16. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
17. Стиглер Дж.Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 336 с.
18. Фенин К.В. Эволюция классических и неоклассических теорий территориального разделения труда и международной торговли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. Т. 18. № 3. С. 267–274. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274
19. Хелпман Э. Понимание мировой торговли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 312 с.
20. Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004. LVI + 496 с.
21. Шупер В.А. Теория экономического ландшафта на фоне XX столетия // Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. С. 636–663.

References

1. Alkin I. *Central Asia. Economic-geographical sketch of Kara-Kalpakstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Part I.* Moscow, 1931. 389 p. (In Russian)
2. Baklanov P.Ya. On the Content and «Meanings» of Social-Economic Regionalization. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin]. 2018. No. 3. Pp. 24–30. DOI: 10.17072/2079-7877-2018-3-24-30 (In Russian)

3. Baransky N.N. Geographical Division of Labor. In: *Baransky N.N. Selected Works: The Formation of Soviet Economic Geography*. Moscow, 1980. Pp. 96–127. (In Russian)
4. Bernstein-Kogan S.V. On the Issue of the Program and Methods of Drawing of Regional Surveys and Economic Plans. In: *Economic Regionalization of Russia*. Moscow, 1921. Pp. 23–29. (In Russian)
5. Bernstein-Kogan S.V. *Essays on Economic Geography. Issue 1*. Moscow, 1922. 197 p. (In Russian)
6. Giddens A., Sutton P.W. *Essential Concepts in Sociology*. Moscow, 2018. 336 p. (In Russian)
7. Granberg A.G. Classics of Spatial Economics. In: *Lösch A. Spatial Organization of the Economy*. Moscow, 2007. Pp. 7–29. (In Russian)
8. Demyanenko A.N. On Economic Regionalization and Formation of Regions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 5–17. DOI: 10.14530/reg.2018.6.5 (In Russian)
9. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History. Part I*. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
10. Durkheim E. *On the Division of Social Labor*. Moscow, 1996. 432 p. (In Russian)
11. Durkheim E. Sociology and Social Sciences. In: *Durkheim E. Sociology. Its Subject, Method, Purpose*. Moscow, 1995. Pp. 265–285. (In Russian)
12. Konstantinov O.A. *The Subject and Method of Economic Geography*. Moscow – Leningrad, 1926. 136 p. (In Russian)
13. Coase R. *Essays on Economics and Economists*. Moscow – S.-Petersburg, 2015. 288 p. (In Russian)
14. Lösch A. *The Economics of Location*. Moscow, 1959. 455 p. (In Russian)
15. Rybnikov A.A. *The Main Issues of Economic Geography*. Moscow, 1930. 256 p. (In Russian)
16. Saushkin Yu.G. *Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice*. Moscow, 1973. 559 p. (In Russian)
17. Stigler G.J. *The Citizen and the State: Essays on Regulation*. Moscow, 2017. 336 p. (In Russian)
18. Fenin C.V. The Evolution of Classical and Neoclassical Theories of Territorial Labor Division and International Trade. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Economics. Management. Law]. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 267–274. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274 (In Russian)
19. Helpman E. *Understanding Global Trade*. Moscow, 2017. 312 p. (In Russian)
20. Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. In 3 vols. Vol. 1. S.-Petersburg, 2004. LVI + 496 p. (In Russian)
21. Shuper V.A. The Theory of the Economic Landscape on the Background of the 20th Century. In: *Lösch A. Spatial Organization of the Economy*. Moscow, 2007. Pp. 636–663. (In Russian)

■ ■ ■

Для цитирования:

Демьяненко А.Н. О районировании и территориальном разделении труда (перечитывая классику) // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 5–15. DOI: [10.14530/reg.2019.1.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.5)

For citing:

Demyanenko A.N. On Regionalization and Territorial Division of Labor (Re-Reading the Classics). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 5–15. DOI: [10.14530/reg.2019.1.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.5) (In Russian)

■ ■ ■

БУРАК**Петр Иосифович**

Доктор экономических наук,
профессор, вице-президент
РАЕН, директор

Институт региональных
экономических
исследований,
пер. Сивцев Вражек, 29/16,
Москва, Россия, 119002

BURAK**Petr Iosifovich**

Doctor of economics,
professor, vice-president
of RANS, director

Institute of Regional Economic
Research,
29/16, Sivtsev Vrazhek Lane,
Moscow, Russia, 119002

petr-burak@yandex.ru

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НА БАЗЕ РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНОВ, ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ И МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫХ ЦЕНТРОВ

В статье рассмотрены вопросы реализации политики экономического роста национальной экономики на базе развития макрорегионов, городских агломераций и минерально-сырьевых центров России. Внимание акцентировано на необходимости создания чётко организованной системы управления этими важнейшими элементами территориальной структуры экономики и осуществления в их рамках процедур долгосрочного стратегического планирования. Рассмотрена возможная роль ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ в управлении развитием макрорегионов.

Экономический рост, пространственная организация экономики, макрорегион, минерально-сырьевой центр, городская агломерация, управление, стратегическое планирование

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL POLICY OF ECONOMIC GROWTH ON THE BASIS OF THE DEVELOPMENT OF MACROREGIONS, URBAN AGGLOMERATIONS AND MINERAL RESOURCE CENTERS

The article deals with the implementation of the policy of economic growth of the national economy on the basis of the development of macroregions, urban agglomerations and mineral resource centers of Russia. Attention is focused on the need to create a well-organized system of management of these important elements of the territorial structure of the economy, the implementation of long-term strategic planning procedures within their framework. The possible role of associations of economic interaction of subjects of the Russian Federation in management of development of macroregions is considered.

Economic growth, spatial organization of economy, macroregion, mineral resource center, urban agglomeration, management, strategic planning

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00262.

© Бурак П.И.,
Ростанец В.Г., 2019

РОСТАНЕЦ**Виктор Григорьевич**

Доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН,
заместитель директора
Института региональных
экономических
исследований,
пер. Сивцев Вражек, 29/16,
Москва, Россия, 119002

ROSTANETS**Victor Grigorievich**

Doctor of economics,
professor, academician
of RANS, vice-director
Institute of Regional Economic
Research,
29/16, Sivtsev Vrazhek Lane,
Moscow, Russia, 119002

rostanets@mail.ru

Введение

Одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед экономической системой нашей страны, является обеспечение эффективного пространственного развития экономики. Решение этой задачи призвана обеспечить, в частности, «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», проект которой был обнародован в 2018 г. и в настоящее время проходит последние стадии утверждения¹.

Стратегия пространственного развития РФ ориентирует, аргументируя это общепризнанным и эффективным зарубежным опытом, на увеличение в нашей стране числа так называемых центров экономического роста, обладающих конкурентоспособной экономикой и точками выхода на международные рынки. В качестве центров экономического роста в РФ рассматриваются городские агломерации, минерально-сырьевые центры, административные центры субъектов РФ, а также макрорегионы страны.

Согласно логике стратегии, городские агломерации и столицы субъектов РФ станут центрами наукоёмкой экономики, технологического прорыва и информатизации страны, макрорегионы – активизируют межрегиональное экономическое взаимодействие, усилят кооперационную синергию, дадут экономию на транспортных расходах, а минерально-сырьевые центры – обеспечат стабильные текущие и долгосрочные доходы для страны и регионов от внешней торговли энергоносителями и сырьём.

Такая парадигма территориального развития в целом может считаться целесообразной, однако она содержит в себе, по нашему мнению, целый ряд явных проблем и противоречий. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

**Проблемные стороны миссии
макрорегионов, агломераций
и минерально-сырьевых центров как
ареалов ускорения экономического роста**

В качестве одного из драйверов экономического роста национальной экономики в упомянутой стратегии рассматриваются минерально-сырьевые центры – совокупность разрабатываемых и планируемых к освоению крупных месторождений и перспективных площадей, связанных общей

¹ На момент представления настоящей статьи в редакцию. Тот факт, что рассматриваемая стратегия 13 февраля 2019 г. была утверждена распоряжением Правительства РФ № 207-р, несколько не снижает значимость авторских комментариев в её отношении. – *Прим. ред.*

существующей и планируемой инфраструктурой. По нашему мнению, чтобы максимально использовать возможности минерально-сырьевых центров, их развитие не должно быть изолированным от экономики регионов, в которых они расположены. Необходимо соблюдать баланс развития сырьевых отраслей с другими отраслями производства, уже имеющимися в регионе. Иначе при колебании цен на мировых сырьевых рынках или возникновении внешнеэкономических конфликтов целые регионы страны окажутся в кризисном состоянии. Наглядным примером может служить ситуация с российскими производителями алюминия, испытывавшими серьёзные трудности в конце 2018 г. в связи с санкционной и тарифной политикой США. Развитие минерально-сырьевых центров надо связать с уже существующими в регионах отраслями специализации и действующими производствами. В противном случае рост добычи минерального сырья не окажет должного положительного воздействия на уровень социально-экономического развития соответствующего региона.

Поскольку минерально-сырьевые центры расположены в восточных районах страны – в Сибири и на Дальнем Востоке (в Республике Саха (Якутия), на острове Сахалин, на полуострове Ямал, в Ханты-Мансийском автономном округе), в качестве примера рассмотрим сибирский регион – Иркутскую область. В этом регионе быстро растут объёмы добычи энергоносителей и минерального сырья. За 10 лет добыча топливно-энергетических полезных ископаемых выросла в регионе в 39 раз. Заработная плата работников нефтегазового сектора в 4 раза превышает уровень средней заработной платы в промышленности региона¹. Тем не менее, в Иркутской области:

- имеет место разнонаправленность трендов роста производства и уровня жизни населения (рост объёмов производства при снижении доходов населения и росте бедности);
- продолжается сокращение населения и отток трудовых ресурсов из региона;
- сохраняется низкий уровень транспортной доступности и инфраструктурной обеспеченности региона, что серьёзно тормозит экономическое развитие.

Такое положение дел объясняется тем, что отрасли промышленного комплекса региона слабо связаны с развивающимися добывающими производствами и не обслуживают их (в последние 10 лет производство машин и оборудования сократилось в Иркутской области в 2 раза, объёмы химического производства снизились на четверть), а число работников, занятых в нефтегазовых отраслях, крайне невелико (1,5%) по отношению к общей численности работающих. Кооперация региональных промышленных комплексов и минерально-сырьевых центров необходима и возможна. В той же Иркутской области, например, имеются возможности добычи и производства литья и литейной продукции из попутных вод нефтяных и газовых месторождений для нужд оборонной и атомной промышленности на базе уже существующих в регионе производственных мощностей Росатома и Ростеха. Также имеются мощности для дальнейшего развития газонефтехимии, масштабного производства и применения в авиастроении композиционных материалов.

В современных российских условиях весьма противоречивыми, как неоднократно отмечалось ведущими отечественными специалистами, представляются результаты развития городских агломераций [4; 5; 7; 13].

С одной стороны, крупнейшие города России с численностью населения более 1 млн человек, выступающие ядрами агломераций, обладают высокоразвитой многоотраслевой экономикой, концентрируют основную часть экономических, интеллектуальных и финансовых ресурсов соответствующих регионов. Например, в российских городах-миллионниках, явля-

¹ <http://irkutskstat.gks.ru>

ющихся центрами агломераций, сосредоточены основные ресурсы регионов (областей), в которых они территориально расположены – от 26 до 57% населения, от 34 до 64% работников организаций, от 34 до 78% основных фондов, от 46 до 77% инвестиций в основной капитал [11]. Поскольку за счёт населённых пунктов, находящихся в зоне агломерационного притяжения, экономический потенциал всей агломерации выше, чем её центра, то реальный удельный вес агломераций в экономике соответствующих субъектов Российской Федерации ещё более значителен. При этом, как показывают данные за 2011–2018 гг., процессы концентрации населения, рабочей силы и производства в рамках российских агломераций продолжают.

Как отмечается в проекте стратегии, в Российской Федерации сформировалось 40 крупнейших и крупных городских агломераций. Численность населения большинства крупнейших и крупных городских агломераций с начала 2000-х гг. устойчиво возрастала и превысила 73 млн человек. В проекте стратегии пространственного развития констатируется, что 20 городских агломераций, наряду с минерально-сырьевыми центрами и макрорегионами, входят в состав главных центров экономического роста страны. Каждая крупнейшая агломерация обеспечивает более 1% суммарного прироста валового регионального продукта всех субъектов Российской Федерации.

Факторами социально-экономического доминирования крупнейших и крупных городских агломераций России, их конкурентными преимуществами перед другими типами поселений являются ёмкий внутренний рынок, высокий уровень развития человеческого капитала, инновационный потенциал, предпринимательская активность жителей, сосредоточие информационных ресурсов, качественная городская среда и развитая социальная инфраструктура. Сочетание данных факторов генерирует синергетический эффект, способствует активному развитию в агломерациях деловых и финансовых услуг, высокотехнологичных и наукоёмких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг с более высокой производительностью труда по сравнению с остальными территориями страны.

С другой стороны, агломерационные процессы на практике ведут к депопуляции сопредельных с агломерацией территорий, малых городов, сельских районов, застойным явлениям в их экономике. Это противоречит провозглашённому в той же стратегии курсу на сдерживание оттока населения из территорий, не имеющих перспектив динамичного экономического развития, но важных в геополитическом отношении, за счёт создания благоприятных социальных условий для населения [13].

Российские макрорегионы, составляющие важнейший элемент экономического пространства страны, совершенно обоснованно можно рассматривать в качестве ареалов потенциального экономического роста. Особенности и сущностные характеристики макрорегионов как специфических элементов пространственной организации экономики страны, их роль и значение в развитии России подробно раскрыты в работах А.Г. Гранберга, П.А. Минакира, М.Я. Гохберга, А.И. Татаркина, Р.И. Шнипера и др. [3; 6; 8; 12; 15].

Макрорегионы – крупные территории страны с исторически сложившейся специализацией производства, тесными хозяйственными связями территорий, входящих в макрорегион, единством природно-климатических и социально-исторических условий. В рамках макрорегионов сохраняются созданные ещё в период СССР территориально-производственные комплексы, значительны хозяйственные связи и технологическая кооперация предприятий и организаций, функционируют устойчивые рынки товаров и услуг.

Весьма показательны в этом плане данные о межрегиональных связях Хабаровского края. По данным региональной статистики, около 75% межрегионального товарооборота Хабаровского края приходится на регионы Дальневосточного федерального округа. При этом

в регионы Дальневосточного округа вывозится более 90% от общего объёма производимой в крае продукции¹. Таким образом, предприятия Хабаровского края фактически поставляют свои товары исключительно на рынок Дальневосточного макрорегиона.

В современных условиях экономические связи внутри российских макрорегионов, межрегиональное сотрудничество могут стать катализатором успешной реализации в первую очередь инфраструктурных мегапроектов федерального и международного значения, предполагающих огромные масштабы капиталовложений и строительных работ. Среди них можно назвать строительство высокоскоростного железнодорожного коридора «Евразия», автодорожного коридора «Европа – Западный Китай», железнодорожного и автодорожного коридора «Север – Юг» (обеспечивающего связь Ирана и Индии с Европой через территорию Российской Федерации), БЕЛКОМУРа – железнодорожной линии, соединяющей Архангельск с Уралом. В число таких проектов входит также увеличение пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, строительство газопровода «Сила Сибири – 2», освоение Северного морского пути и эксплуатация природных ресурсов прибрежных районов Арктики.

Макрорегиональное сотрудничество необходимо для реализации не только федеральных и международных мегапроектов. В 2018 г. по инициативе руководства Иркутской области группа экспертов под руководством академика С. Глазьева провела работу по формированию и обоснованию комплекса крупных долгосрочных инвестиционных проектов для развития промышленного комплекса региона на период до 2030 г. [2]. Результаты работы показали, что практически все важные для Иркутской области инвестиционные проекты в той или иной мере затрагивают и соседние регионы Прибайкалья. То есть они объективно носят макрорегиональный характер, и для их успешной реализации нужны механизмы координации в рамках Байкальского макрорегиона.

К числу таких инвестиционных проектов, например, относятся:

- развитие отраслей газонефтехимического комплекса, создание крупных экспортных производств базовых полимеров;
- развитие производства и использования сверхтвёрдых и композиционных материалов (авиационная промышленность, дорожное и транспортное строительство, ЖКХ);
- развитие сельского хозяйства на основе высокотехнологичного животноводства, тепличного растениеводства, промышленной аквакультуры;
- развитие транспорта на основе революционных технологических решений (высокоскоростной, беспилотный, трубопроводный транспорт, авиация и аэронавтика), в том числе в рамках формирования трансконтинентальных транспортных коридоров Европа – Азия;
- развитие и диверсификация туристической отрасли на основе освоения новых видов туристического продукта, уникальных природных условий Байкальской зоны и связанных услуг, модернизации инфраструктуры, расширения географии туристических потоков в масштабах Евразийского рынка.

Для эффективного развития центров экономического роста любого типа необходимо наличие системы стратегического планирования и управления ими. Между тем на сегодняшний день ни макрорегионы, ни агломерации, ни минерально-сырьевые центры не являются отдельными объектами стратегического планирования, не имеют системы специализированных органов управления и планирования. И если применительно к макрорегионам и городским агломерациям ещё можно говорить о первых попытках разработки стратегических документов

¹ <https://arch.khabkrai.ru>

и создания управленческих структур, то в отношении минерально-сырьевых центров таких работ вообще не проводилось. Такое положение дел существенно затрудняет проведение политики ускоренного развития макрорегионов, городских агломераций и минерально-сырьевых центров страны.

Формирование институтов управления и стратегического планирования

В течение последних 25 лет макрорегионы России фактически находились вне сферы стратегического управления и планирования. Долгосрочные стратегии социально-экономического развития на период до 2020 г., разработанные в начале 2000-х гг. для нескольких федеральных округов страны (Приволжского федерального округа, Центрального федерального округа, Дальневосточного федерального округа), не могут рассматриваться в качестве полноценных макрорегиональных стратегий, поскольку границы макрорегионов не совпадают с границами существующих федеральных округов.

Разработка и реализация стратегических плановых документов в макрорегионах серьёзно затруднена отсутствием соответствующих полномочных управленческих структур. Единственными полномочными органами управления макрорегионами на федеральном уровне в настоящее время являются Министерство по развитию Дальнего Востока и Министерство по делам Северного Кавказа. Отдельными аспектами координации экономического развития в рамках макрорегионов помимо данных министерств занимаются аппараты представителей президента РФ в федеральных округах, а также общественные структуры – ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ.

Очевидный дефицит стратегических разработок и управленческих решений на макрорегиональном уровне обуславливает появление предложений о создании специализированных, преимущественно административных органов управления макрорегионами. Так, в 2017 г. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока выступило с инициативой о создании Восточного центра государственного планирования – экспертно-аналитической структуры, обеспечивающей разработку предложений по повышению эффективности государственного планирования в Дальневосточном макрорегионе. В рамках нового органа предусмотрено создание двух рабочих центров: в Хабаровске для работы с регионами и в Москве для взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти.

В связи с таким положением дел для исполнения закона о стратегическом планировании в РФ, который конституирует стратегическое планирование на уровне макрорегионов, а также реализации национальной стратегии пространственного развития, по нашему мнению, в каждом из 14 макрорегионов страны целесообразно сформировать межрегиональные структуры управления, в том числе выполняющие функции стратегического планирования.

Эффективными органами стратегического планирования и управления развитием макрорегионов (при соответствующем расширении полномочий) могут стать ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ. Активизацию работы ассоциаций мы рассматриваем как новую модель партнёрства государства и регионов, усиления роли субфедерального звена управления в решении задач инновационной модернизации российской экономики, как новый этап совершенствования правовых основ федеративных отношений и федеральной политики регионального развития ради сохранения стратегической стабильности развития субъектов Российской Федерации [1].

В этой связи представляет интерес практический опыт работы действующего с 2014 г. Координационного совета при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском фе-

деральном округе по социально-экономическому развитию Байкальского региона. Принципиально важно, что данная консультационная структура, занимающаяся поддержкой инвестиционных проектов в промышленности и инфраструктуре, действует в рамках всего Байкальского макрорегиона, образуемого Иркутской областью, Забайкальским краем и Республикой Бурятия. Состоявшееся в начале 2019 г. включение Забайкалья и Бурятии в состав ДФО не меняет факта экономического единства этих двух регионов с Иркутской областью, необходимости обеспечения их скоординированного развития. Для обеспечения этого в новых условиях вышеуказанным субъектам РФ целесообразно сформировать ассоциацию экономического взаимодействия в рамках Байкальского макрорегиона.

Президент РФ В.В. Путин в своём выступлении на Восточном экономическом форуме в 2018 г. предложил отработать необходимые управленческие и организационные механизмы, связанные с новаторским подходом к управлению макрорегионами, на примере Дальнего Востока. Развитие ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации и усиление их роли в управлении экономикой, по нашему мнению, вполне может стать таким новаторским механизмом.

Что касается экономических инструментов, которые целесообразно применить для интенсификации хозяйственных связей в рамках российских макрорегионов, то важную роль здесь могут сыграть межрегиональные «горизонтальные трансферты», закон о которых в конце 2018 г. прошёл первое чтение в Государственной Думе. Такие трансферты позволят концентрировать ресурсы соседствующих субъектов РФ на реализации инфраструктурных проектов в рамках макрорегионов. По нашему мнению, настоятельно необходимо также сформировать фонды развития макрорегионов, работу которых бы направляли и контролировали ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ. Деятельность этих фондов должна быть сконцентрирована на софинансировании инфраструктурных и производственных проектов в рамках соответствующих макрорегионов. Для наполнения фондов необходимыми финансовыми ресурсами целесообразно частично перераспределить средства из существующих федеральных фондов развития (Фонд развития промышленности, Российский фонд прямых инвестиций и др.).

Состояние дел в сфере управления развитием городских агломераций как центров экономического роста страны также нуждается в коренном улучшении. На федеральном уровне нет специального нормативно-законодательного документа, посвящённого городским агломерациям. Они не фигурируют в качестве объекта планирования в федеральном законе о стратегическом планировании, не разработано федеральных методических документов с типовыми рекомендациями по разработке программ, стратегий и концепций развития городских агломераций, нет каких-либо утверждённых единых систем показателей развития агломераций.

Проведённый авторами анализ состояния региональной нормативной базы по вопросам развития агломераций в 40 регионах страны (по данным на декабрь 2018 г.) показал, что действующие региональные и муниципальные документы в своём подавляющем большинстве касаются вопросов территориального планирования, градостроительства, развития инженерной инфраструктуры, формирования единых транспортных систем. В этих документах не рассматривается экономика агломераций, то есть хозяйственные связи предприятий, кооперация, логистика, использование трудовых ресурсов, инвестиционная деятельность [10].

Для осуществления процессов управления городскими агломерациями, в том числе стратегического планирования их развития, необходимы соответствующие органы. Поскольку агломерации в РФ расположены на территории различных административно-территориальных образований и управляются независимыми друг от друга региональными или муниципальными администрациями, то органы управления агломерациями должны носить межрегиональ-

ный или межмуниципальный характер и обладать реальными координационными полномочиями. В методическом и практическом плане при создании органов управления агломерациями предстоит решить множество организационных и правовых проблем [14]. Созданные в 2011–2017 гг. в Новосибирской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Тульской областях координационные советы по развитию одноименных агломераций имеют пока исключительно совещательный характер.

По нашему мнению, формирование органов управления в большинстве городских агломераций (за исключением Московской и Санкт-Петербургской) может проходить на базе уже установленных действующим законодательством функций и полномочий муниципальных образований, с учётом опыта работы ассоциаций межмуниципального сотрудничества, имеющих во всех регионах страны [9]. Формируемые на территории городских агломераций межмуниципальные ассоциации могут стать координирующими органами стратегического планирования и практической совместной хозяйственной деятельности в агломерациях. В качестве экономических инструментов обеспечения скоординированного развития агломераций можно использовать «горизонтальные» межбюджетные трансферты, многосторонние концессионные соглашения, межмуниципальные хозяйственные общества, муниципальные займы, разрешённую законом о местном самоуправлении консолидацию бюджетных средств нескольких муниципальных образований в бюджете одного из них.

Создание чёткой системы долгосрочного стратегического планирования в агломерациях, формирование полномочных институтов управления их развитием позволят поднять на принципиально новый уровень экономические связи предприятий и фирм, локализованных в агломерированных территориях, повысить темпы и масштабы инновационной деятельности, обеспечить рациональное использование рабочей силы, минимизировать негативное воздействие городов на окружающую природную среду.

Заключение

В данной статье представлены лишь общие направления работ по обеспечению использования макрорегионов, городских агломераций и минерально-сырьевых центров России в качестве локомотивов экономического роста и территориального развития, требующие дальнейшей углублённой проработки по мере накопления и обобщения лучших практик межрегионального сотрудничества в регионах России и за рубежом.

Авторы убеждены, что одним из условий быстрого экономического роста и технологического прорыва России должны стать интенсификация межрегионального и межмуниципального сотрудничества, выведение на новый качественный уровень экономических связей между регионами, агломерациями и сырьевыми центрами. Для достижения чего требуется создание эффективной системы стратегического планирования и управления этими важнейшими элементами экономического пространства страны.

Отдельно на повестке дня стоит вопрос о возможных формах территориального управления развитием минерально-сырьевых центров, к настоящему времени не разработанный ни в методическом, ни в практическом плане. По нашему мнению, его решение следует искать на путях наделения минерально-сырьевых центров особыми статусами, формирования в них ассоциаций хозяйствующих субъектов, учреждения управляющих компаний.

Таковы возможные пути решения некоторых институциональных и нормативно-методических проблем, возникающих в ходе реализации национальной политики формирования и развития центров экономического роста, сформулированной в стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Список литературы

1. Бурак П.И., Ростанец В.Г., Топилин А.В. Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации: системный кризис или поиск новых форм развития? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 10. С. 66–74.
2. «Государство развития»: эффективная экономическая модель развития страны и регионов. Опыт реализации в Иркутской области. М.: Экономика, 2018. 267 с.
3. Гохберг М.Я. Федеральные округа Российской Федерации: анализ и перспективы развития. М.: Финансы и статистика, 2002. 355 с.
4. Зубаревич Н.В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 5–21.
5. Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ, 2013. 614 с.
6. Минакир П.А. Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.
7. Никитская Е.Ф. Роль агломераций в развитии регионального сегмента национальной инновационной системы России // Федерализм. 2018. № 2. С. 46–63.
8. Проникая в будущее. Инновационный портрет Уральского мегарегиона / Под общ. ред. А.И. Татаркина, В.С. Бочко, В.Л. Берсенёва. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. 274 с.
9. Рождественская И.А., Кабалинский А.И. Межмуниципальное сотрудничество в регионах России и его роль в развитии городских агломераций // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1–1. С. 387–390.
10. Ростанец В.Г., Топилин А.В., Кабалинский А.И. Нормативно-методические основы управления и стратегического планирования развития городских агломераций: современное состояние и императивы совершенствования // Вестник Российской академии естественных наук. 2018. Т. 18. № 6. С. 80–84.
11. Ростанец В.Г., Топилин А.В., Кабалинский А.И., Шуринова Е.В. Городские агломерации России: перспективы управления и стратегического планирования развития // Вестник Российской академии естественных наук. 2018. Т. 18. № 6. С. 72–79.
12. Стратегии макрорегионов России: Методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. 720 с.
13. Топилин А.В., Добрынский О.Э. Особенности рынка труда и занятости в городских агломерациях // Вестник Российской академии естественных наук. 2017. Т. 17. № 3. С. 113–116.
14. Швецов А.Н. Зачем и как следует управлять городскими агломерациями? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 65–75.
15. Шнипер Р.И. Формирование стратегии социально-экономического развития Сибири // Регион: экономика и социология. 1999. № 1. С. 161–173.

References

1. Burak P.I., Rostanets V.G., Topilin A.V. Associations of Economic Interaction of Russian Regions: System Crisis or Search of New Forms of Development. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Aspects of Management]. 2017. No. 10. Pp. 66–74. (In Russian)
2. «State of Development»: Effective Economic Model of Development of the Country and Regions. Experience of Implementation in the Irkutsk Region. Moscow, 2018. 267 p. (In Russian)
3. Gokhberg M.Y. *Federal Districts of the Russian Federation: Analysis and Development Prospects*. Moscow, 2002. 355 p. (In Russian)
4. Zubarevich N.V. Russia's Agglomerations Development: Trends, Resources and Governing. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2017. No. 6. Pp. 5–21. (In Russian)

5. Lyubovny V.Y. *Cities of Russia: Alternatives to Development and Management*. Moscow, 2013. 614 p. (In Russian)
6. Minakir P.A. *Studies of the Economy of the Far East. 1975–2000*. Khabarovsk, 2017. 912 p. (In Russian)
7. Nikitskaya E.F. The Role of Agglomerations in the Development of the Regional Segment of the National Innovation System of Russia. *Federalizm* [Federalism]. 2018. No. 2. Pp. 46–63. (In Russian)
8. *Penetrating into the Future. Innovative Portrait of the Urals Megaregion*. Ed. by A.I. Tatarkin, V.S. Bochko, V.L. Bersenev. Ekaterinburg, 2016. 274 p. (In Russian)
9. Rozhdestvenskaya I. A., Kabalinskii A.I. Inter-Municipal Cooperation in the Regions of Russia and Its Role in the Development of Urban Agglomerations. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship]. 2016. No. 1–1. Pp. 387–390. (In Russian)
10. Rostanets V.G., Topilin A.V., Kabalinskii A.I. Standardly-Methodical Bases of Management and Strategic Planning of Development of City Agglomerations: Current State and Imperatives of Improvement. *Vestnik Rossiyskoy akademii estestvennykh nauk* [Bulletin of Russian Academy of Natural Sciences]. 2018. Vol. 18. No. 6. Pp. 80–84. (In Russian)
11. Rostanets V.G., Topilin A.V., Kabalinskii A. I., Shurinova E. V. City Agglomerations of Russia: Prospects of Management and Strategic Planning of Development. *Vestnik Rossiyskoy akademii estestvennykh nauk* [Bulletin of Russian Academy of Natural Sciences]. 2018. Vol. 18. No. 6. Pp. 72–79. (In Russian)
12. *The Strategy of Macroeconomies of Russia: Methodological Approaches, Priorities and Ways of Implementation*. Ed. by A.G. Granberg. Moscow, 2004. 720 p. (In Russian)
13. Topilin A.V., Dobrynskiy O.E. Peculiarities of Labor Market and Employment in Urban Areas. *Vestnik Rossiyskoy akademii estestvennykh nauk* [Bulletin of Russian Academy of Natural Sciences]. 2017. Vol. 17. No. 3. Pp. 113–116. (In Russian)
14. Shvetsov A.N. Why and How Should Urban Agglomerations Be Managed? *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Aspects of Management]. 2017. No. 7. Pp. 65–75. (In Russian)
15. Shniper R.I. Formation of Strategy of Social and Economic Development of Siberia. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 1999. No. 1. Pp. 161–173. (In Russian)

Для цитирования:

Бурак П.И., Ростанец В.Г. Проблемы и перспективы реализации национальной политики экономического роста на базе развития макрорегионов, городских агломераций и минерально-сырьевых центров // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 16–25. DOI: [10.14530/reg.2019.1.16](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.16)

For citing:

Burak P.I., Rostanets V.G. Problems and Prospects of Implementation of the National Policy of Economic Growth on the Basis of the Development of Macroeconomies, Urban Agglomerations and Mineral Resource Centers. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 16–25. DOI: [10.14530/reg.2019.1.16](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.16) (In Russian)

ГРИГОРИЧЕВ**Константин
Вадимович**

Доктор социологических наук,
доцент, проректор
Иркутский государственный
университет,

ул. Карла Маркса, 1, Иркутск,
Россия, 664003

Профессор, ведущий научный
сотрудник

Национальный исследова-
тельский Томский
государственный университет,
пр. Ленина, 34, Томск, Россия,
634050

GRIGORICHEV**Konstantin
Vadimovich**

Doctor of sociology, assistant
professor, vice-rector
Irkutsk State University,
1, Karla Marksa Street, Irkutsk,
Russia, 664003

Professor, leading researcher
National Research Tomsk State
University,
34, Lenina Avenue, Tomsk,
Russia, 634050

grigorichev@yandex.ru

© Григоричев К.В.,
Тимошкин Д.О., 2019

УДК 316.334.56

**БАЗАР В ДВИЖЕНИИ: ИРКУТСКИЙ
ОТКРЫТЫЙ РЫНОК КАК ТОЧКА
КОНЦЕНТРАЦИИ МОБИЛЬНОСТЕЙ**

В статье авторы показывают иркутский рынок под открытым небом как место, которое стало точкой притяжения и концентрации траекторий движения людей и информации. Используя концепцию мобильностей Дж. Урри и подход к анализу повседневного взаимодействия И. Гофмана, авторы пытаются найти причины чрезвычайной плотности людских потоков на открытом рынке Иркутска в «девяностых», описать роль, которую направления и типы мобильностей играли в городских нарративах. Основываясь на интервью с посетителями и работниками рынка, авторы предлагают классификацию социальных исполнений на рынке в зависимости от того, какие тактики перемещения выбирала та или иная группа респондентов в зависимости от поставленных целей.

Город, «китайский» рынок, мобильности, нарративы

**BAZAAR IN THE MOTION: IRKUTSK OPEN
MARKET AS A CONCENTRATION POINT
OF MOBILITIES**

In the article, the authors show the Irkutsk open-air market as a place that has become a point of attraction and concentration for the movement of people and information. Using the concept of mobility by J. Urry and the approach to analyzing I. Hoffman's daily interaction, the authors try to find the reasons for the extraordinary density of human flows on the Irkutsk open market in the 1990s and describe the role that different vectors and types of mobility play in urban narratives. Based on interviews with visitors and employees of the market, the authors propose a classification of social performances on the market, depending on what movement tactics a particular group of respondents chose according to their goals.

City, «Chinese» market, mobilities, narratives

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России, проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России», задание № 28.9753.2017 / 8.9, и гранта РФФИ, проект № 17-33-00013.

**ТИМОШКИН
Дмитрий
Олегович**

Кандидат социологических наук, научный сотрудник Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003
Старший научный сотрудник Национальный исследовательский Томский государственный университет,
пр. Ленина, 34, Томск, Россия, 634050

**TIMOSHKIN
Dmitriy
Olegovich**

Ph.D. in sociology, research fellow
Irkutsk State University,
1, Karla Marksa Street, Irkutsk, Russia, 664003
Senior research fellow
National Research Tomsk State University,
34, Lenina Avenue, Tomsk, Russia, 634050

dmttrim@gmail.com

Введение

Представление о городе и его отдельных локальностях с позиций теории мобильностей [12] подразумевает прежде всего видимый город. Специфика видимого, наблюдаемого города всегда определяется позицией наблюдателя, его местом и ролью. Один наблюдатель может оценивать очень узкий фрагмент огромного спектра человеческих перемещений, сконцентрированных вокруг определённой точки в пространстве. Разные наблюдатели будут замечать разные части такого спектра, и их выбор во многом будет зависеть от того, какую функцию для них будет выполнять место, с которым они соприкоснулись. Условием появления точки притяжения мобильностей может являться многофункциональность пространства, определяющая появление представителей множества социальных групп. Другой вариант – единственная, но крайне востребованная и универсальная функция, объединяющая множество людей, которые, может быть, в других условиях никогда бы и не встретились.

Пожалуй, наиболее рельефно указанные свойства проявляются в мигрантских локальностях городов, прежде всего связанных с мелкорозничной торговлей. Крупнейший в Иркутске открытый рынок [5] – «Шанхай» [7; 8] объединяет черты обоих выделенных типов локальностей. Он одновременно выступает местом, которое совмещает в себе множество функций, работающих как точка притяжения практически для каждого жителя города. Вместе с тем, среди множества функций, которые свойственны этому пространству («этнический» фудкорт, содействие трудоустройству, место покупки дешёвой одежды, детских товаров, «третье место» [9]), выделяется одна, превращающая рынок в точку притяжения: механизм выживания в кризисной ситуации.

Содержание последней из обозначенных функций заключалось в том, что на открытом рынке мог найти работу, пищу и кров, необходимые связи и покровительство практически любой человек, вне зависимости от своего происхождения, национальности, богатства или бедности. Эта функция притягивала группы, которые вряд ли пересеклись бы в какой-либо другой реальности, что обуславливало расширение спектра социально приемлемых исполнений [4] в ситуациях их контакта. Декорации открытого рынка символизировали переход актора к более широкому, нежели в «нормальной» ситуации, ассортименту коммуникативных сценариев с другими группами. Здесь раздвигались границы дозволенного, те или иные практики (публичная примерка вещей, азартный торг и даже воровство) оправдывались чрезвычайностью ситуации и спецификой локальности. Рынок как точка концентрации мобильностей становился

одновременно и пространством сдвига, диффузии социальных норм в ситуации границы – воспроизводства практик контактного пограничного пространства вдали от собственно межгосударственных границ [6].

Если рассматривать иркутский открытый рынок как точку концентрации мобильностей, он может быть представлен как воронка, засасывающая в себя сотни человеческих потоков, каждый из которых имеет здесь свою цель. Разные группы могут в своих нарративах воссоздавать абсолютно непохожие, иногда противоречивые модели, как, например, беспризорники, живущие в окрестных подвалах, и клерки, которые приходят пообедать на рыночный фудкорт. Поведение этих людей будет обусловлено разными ритуалами, представлениями о допустимом, фактически они будут действовать в параллельных «физических» реальностях.

Беспризорник будет описывать подвалы, драки с полицией, голод, движение под прилавками в поисках случайно оброненной торговцами мелочи, клерк – дорогу от офиса до недорогой чайханы и степень прожарки мяса в экзотическом блюде. «Рядовой» посетитель вспомнит походы за «китайской» одеждой, полный риска и приключений, о немислимых цветовых сочетаниях и курьёзах, о том, как он удачно «надул» продавца. То, что становится шоком для посетителя, может описываться как не заслуживающая внимания норма торговцем, силовиком или беспризорником. Автомобилист будет акцентироваться на полном отсутствии правил дорожного движения и «езде по понятиям». «Шанхайка» же является точкой, где эти параллельные реальности и мобильности сливаются, формируя единое пространство, по структуре напоминающее слоёный пирог из его разных субъективных проекций.

В этой статье мы хотим показать некоторые части спектра человеческих маршрутов в одной из точек концентрации мобильностей – на иркутском открытом рынке «Шанхайка». Наше исследование не претендует на полный охват всего разнообразия мобильностей, концентрирующихся на рынке и вокруг него. Здесь мы попытаемся показать несколько субъективных взглядов на пространство рынка.

В качестве теоретической рамки использована драматургическая метафора И. Гофмана [4], концепция мобильностей Дж. Урри [12], а также метафора «текучей современности» З. Баумана [1]. С этих позиций открытый рынок представляет собой точку, в которой происходит ускорение современности и в потоке перемешанных траекторий движения рождаются новые социальные состояния, для которых практически не существует понятия «сейчас». Для наблюдателя, сравнивающего несколько срезов состояний места, появляется, помимо пространственного измерения, ещё и понятие времени. В зависимости от описываемого периода он будет воспроизводить разные опыты, разные смыслы и разные декорации, пространство будет перемещаться и трансформироваться в его воспоминаниях, представляя ещё одно измерение мобильностей. И здесь, как и в случае с пространственными измерениями, рынки становятся точкой концентрации изменений.

Мы попытаемся показать рынок с позиций нескольких групп, чьё представление рынка и себя на рынке оказывается связанным со специфическими мобильностями. Выделение этих групп, разумеется, достаточно условно и подразумевает очень высокую степень внутренней гетерогенности. Критериями для выделения таких групп для нас послужили два признака: цель посещения рынка и способ взаимодействия с пространством рынка, отражённый в различных видах мобильностей. Статья базируется на результатах наблюдений на открытом рынке «Шанхайка» в 2017–2018 гг., а также массиве интервью, собранных в те же годы. Общий массив эмпирических данных включает более 70 полуструктурированных интервью и более 50 часов наблюдений. В статье цитаты респондентов выделены курсивом и приводятся с сохранением их лексики и грамматических конструкций.

Автомобилисты

Соприкосновение горожан с рынком парадоксальным образом начинается ещё до непосредственного контакта с его пространством. Превратившись за время своего существования в крупнейший городской хаб пассажирского транспорта [3], «Шанхайка» стала определять траектории и ритм движения горожан, не только посещавших рынок, но и перемещавшихся из одной части Иркутска в другую с пересадкой в «районе рынка». Во всех частях города есть автобусные, трамвайные или троллейбусные маршруты, конечной или промежуточной остановкой которых значится «Центральный рынок», входящий в территорию «Большого Шанхая» [5]. Как следствие, в ментальных «путях» горожан, пользующихся общественным транспортом, рынок присутствует независимо от преобладания практик посещения или избегания этой локальности.

Однако наиболее остро влияние «Шанхая» проявляется в движении личного автотранспорта. Крупнейший «китайский» рынок Иркутска стал важнейшим фактором внутригородского движения автотранспорта. Формируется новая для города «схема» движения личных автомобилей, связанная с регулярными визитами на рынок. Как и маршруты общественного транспорта, маршруты личных авто замыкались в центре города на локальность главного «китайского» рынка, связывая центр Иркутска с его различными частями. Однако если общественный транспорт обеспечил поток по главным артериям городского организма, то личный – и «капиллярный кровоток».

Высокая концентрация транспорта на узких улицах, прилегающих к территории «Большого Шанхая», быстро привела к кризису. Автомобили торговцев и посетителей рынка, работников расположенных в этом районе офисов, припаркованные по правилам и с нарушением ПДД, сужали «проездное» пространство до минимума. Быстро растущее число пассажирских автобусов и «маршруток», конкурирующих за пассажиров, привело к быстрой деформализации системы правил поведения на дороге: «мало самому ехать по правилам, нужно ещё угадать, согласен ли с ними встречный». Приближение к рынку рефлексировалось водителями не только через повышение плотности движения, но и через рост значения неформальных правил и практик и степени «нервности»:

Шанхайка, она, когда в разгаре была, в ней – как к ульям... Чем ближе, тем гудит страшнее... Подъезжаешь, так подсобираешься сам... Не то чтобы сильно сложнее, но нервно. Мало ли кто и откуда выскочит, правила там толком-то не соблюдал никто...

Ещё более заметным распространение неформальных правил поведения на дороге стало на небольших улицах, прилегающих к территории «Шанхая» в стороне от центральных улиц города. Здесь в отсутствие ГАИ (ГИБДД) как регулятора деформализация дорожных отношений произошла быстро и радикально. Место общественного транспорта на дорогах заняли торговцы и их помощники, перемещающие товар из хранилищ к прилавкам, пользователи инфраструктуры, сложившейся вокруг рынка. Водители автотранспорта вынуждены были признать их полноправными «участниками дорожного движения», в большинстве случаев уступая приоритет на движение по самым замысловатым траекториям:

Вот он выпрется на дорогу с телегой и тащится по ней. А ты что, ну и плетёшься за ним два км в час, хоть умри тут.

Ключевыми характеристиками мобильностей вокруг «Шанхайки» стали рост плотности потока автотранспорта и увеличение степени неформальности его организации. Свод формализованных практик взаимодействия на дороге (Правила дорожного движения), действующий и признаваемый основной частью водителей в других частях города, в районе рынка подменя-

ется неформальными практиками, усвоение которых оказывается возможно только через личный опыт. Сложность включения в такую систему взаимодействий определяют то, что в среде водителей район рынка достаточно часто определяется как маргинализованная локальность, где «нормальные» правила движения сохраняются лишь номинально, по факту подменяясь «ездой по понятиям». Как следствие, широкое распространение получили практики избегания, когда привычные, более короткие маршруты заменяются объездными, более длинными, но спокойными путями:

Если мне прям на рынок не надо, я лучше объеду. Там же все торопятся, «подрезают»... Поедешь по короткому пути, а тебя стукнут, и встрянешь на полдня.

Наряду с этим, посещение района «Шанхайки» на автомобиле зачастую контекстуально определяется как своего рода тест на способности и умения управления автомобилем. Сложность движения здесь респондентами прямо не признаётся, однако контекст высказывания отсылает к высокой самооценке: «мне всё равно где ехать, я профессионал», «мне что бездор, что шоха [«Шанхайка»] – ... [всё равно]». Район рынка для автомобилиста становится своего рода сказочным лесом [10], вход в который связан с высокими рисками и необходимостью отхода от привычной нормы, но даёт возможность получения неформального статуса «проводника» за пределы повседневности рядового горожанина в «пучину» «Шанхайки».

Посетители

Для посетителей – самой многочисленной группы, которую можно выделить из нарративов, – рынок становился не только местом погружения в «человеческий водоворот», но и точкой входа в новое состояние и даже в новую эпоху. Удачное расположение в центре, рядом с самым крупным в городе транспортным узлом [3], делало его ещё и символом входа в город. Часто люди, которые приезжали сюда из других мест, составляли первое впечатление об Иркутске именно по открытому рынку. Он становился первым, что они видели, и это впечатление часто нельзя было назвать благоприятным. Респондент, который приехал в Иркутск из Читы, увидев «Шанхайку», решил, что и остальной город выглядит столь же нелицеприятно:

Мы проезжали мимо этой «Шанхайки», я думала: Господи, в какой город я приехала, что за грязь-то? Я понимала, что мы находимся в центре города. <...> Почувствовала, что там воняет ещё особенно по утрам, я всё время думала: что это за центр, почему он такой грязный?

Специфика ситуации заключалась в том, что выбор именно этой локации в качестве точки входа в город и/или в историческую эпоху – в зависимости от возраста и статуса респондента – не был добровольным. Ситуация открытого рынка формировалась спонтанно, как путь наименьшего сопротивления, позволяющий с минимальными потерями приспособиться к новой социальной ситуации. Многие жители спальных районов также видели рынок каждый день, отправляясь на работу в центр. Он всем своим видом показывал: вы попали в новую историческую эпоху, и отвернуться, не замечать этот посыл было практически невозможно. Например, в первой половине «девяностых», да и позднее, приобрести одежду за пределами рынка было почти невозможно, и, как бы ни было неприятно напоминание о переменах, оно было совершенно неотвратимо. Каждый поход для людей, которые к моменту развала СССР достигли совершеннолетия, становился напоминанием о том, что теперь они живут в новой стране. Помимо этого, рынок имел славу прибежища страждущих, где можно было получить работу, какой бы не была глубина твоего падения: сюда приходили люди, оставшиеся без жилья, денег и документов, и они могли рассчитывать при определённой доле везения на то, что это место станет стартовой площадкой для их новой жизни. Рынок становился одним из первых свиде-

тельств хаотического состояния, поэтому неудивительно, что его посещения люди описывали как вылазки на вражескую территорию.

Посетители были намного меньше приспособлены к рынку, чем ещё одна крупная группа – торговцы, уже знакомые с ролью авантюриста, которая как нельзя лучше подходила для извлечения пользы из рынка. Именно посетители были основным фактором формирования и распространения городских легенд вокруг рынка, так как они чаще воспринимали его как нечто экстраординарное, в отличие от других групп, которые там присутствовали. Покупатели описывают несколько иной тип мобильностей, чем торговцы. Для них рынок был ограничен сам в себе, они не видели за ним маршруты, простирающиеся на тысячи километров в другие города и страны. Посещение рынка было моментом вынужденного и временного ускорения, после которого можно было расслабиться и вернуться к более привычным скоростям. В пределах рынка покупатели были более мобильны, нежели торговцы, однако за его пределами многие торговцы проделывали длинный путь в поисках товара.

Покупатели, воспринимавшие рынок как проявление хаотического социального состояния [2], стремились максимально сократить время пребывания здесь. Люди старались бегом пронестись по рынку, как можно скорее найти подходящую вещь и убраться восвояси:

В детстве меня туда водили родители, чтобы на <...> картонке померить новые брюки или пуховичок. Ну, пуховичок был без картонки, а вот обувку прекрасно помню – встаёшь на эту холодную и грязную картонку, меряешь ботинки новые и сваливаешь оттуда побыстрее, несмотря на то, что они тебе не подходят по размеру, фасону и прочее. То есть хватаешь первое, что примерили, и убегаешь.

Через череду испытаний, включая встающих на пути плутоватых трикстеров – торговцев, покупатели продирались сквозь огромные человеческие толпы, чтобы купить школьную одежду или дефицитный китайский вольтметр. Как и для торговцев, посещение рынка для посетителей означало изменение роли, необычная ситуация предполагала необычное поведение. Как правило, это объяснялось тем, что рынок являлся зоной повышенной опасности, не в последнюю очередь (по мнению покупателей) из-за торговцев. Рынок предполагал трансформацию социальной роли, мимикрию, что можно назвать ещё одним типом мобильности:

Вопрос: Вы можете назвать какие-нибудь особенности, которые отличали её [«Шанхайку»] от всего остального города <...>?

Ответ: ...Туда заходишь – тебе необходимо поменяться. Если ты туда заходишь лопушком, который пришёл поглазеть, то ты просто будешь в лучшем случае неинтересен, в худшем – станешь потенциальной жертвой.

Роли респондентов, исполняемые здесь, часто меняются в зависимости от периода времени, о котором идёт речь, и это может зависеть от множества причин: смены профессии, взросления или т.д. Продолжая ходить на рынок, посетители наделяли его новыми смыслами в зависимости от этих перемен. Когда, например, сотрудник пресс-службы превращается в посетителя подпольного кафе, меняется и его отношение к месту, то, как он его использует. Говоря о той же локальности, он работает только с одной его частью, и именно содержание этой части определяет отношение к месту в целом.

«Шанхайка», конструируемая в детских воспоминаниях, может сильно отличаться от той, что создаётся «здесь и сейчас». Многие ездили на рынок вместе с семьёй и проводили там весь день, используя его как публичное пространство выходного дня, здесь рынок представлялся скорее как ярмарка, нежели как опасное пограничье. В детских воспоминаниях подчёркивают, что поездка на рынок воспринималась тогда как праздник, так как рынок был самым оживлённым и самым интересным местом в городе. Для ребёнка поход на рынок начинался с

родительского предупреждения о готовящемся посещении. Детей могли учить, как правильно себя вести здесь, чтобы не попасть впросак. Учили следить за родительскими карманами, чтобы в них не забрались воры, держаться поближе к родителям и не отпускать их руку, чтобы не затеряться в толпе. Также нужно учитывать, что ребёнок видел рынок немного иначе просто в силу своих возрастных особенностей (того же роста).

«Детский» рынок становился интересным приключением на фоне обыденности спальных районов. В то же время неперенным атрибутом истории покупателей, в детских воспоминаниях и рассказах о недавних посещениях становятся страх и преодоление страха. Страх рождала не только ситуация неопределённости, которая воспринималась как неперенное следствие посещения рынка, вероятность столкновения с маргиналами, вероятность того, что тебя обманут или ограбят. Отправляясь на рынок, ты не мог быть уверен в том, что вернёшься без ощутимых потерь.

Рынок детства для некоторых был и своеобразным полигоном, где они учились «взрослой» жизни – воровать, торговаться и стоять на своём:

Вопрос: А когда ты начал ходить туда один, без родителей?

Ответ: Ну, это уже был такой, сознательный возраст, после 16, наверное. Это было такое, опасноватое место, где можно было получить по шапке (смех). С лёгкостью. Ну, центр вообще в принципе, «Шанхайка» и всё, что вокруг неё. И... я помню, в одно время было такое развлечение типа стащить что-то на «Шанхайке». Я сам-то никогда ничего такого не делал, но я видел, как это происходит. Чуваки крали всякое барахло, абсолютно ненужное, им просто это было что-то вроде эксперимента (смех)...

В то же время, с позиции своей нынешней роли респонденты ассоциируют рынок с нищетой и опасностью, подчёркивая вынужденность таких посещений в детстве: родители не могли себе позволить купить одежду в других местах. В воспоминаниях о рынке разных лет меняются связанные с ним риски, хотя сама связка «рынок – непредсказуемость» остаётся на месте. Так, например, если в воспоминаниях о рынке десятилетней давности в числе рисков респонденты упоминали возможность стать жертвой карманников, вымогателей или лохотрончиков, то сегодня называют риск нарваться на грубость или купить некачественную вещь.

Покупатели редко говорят о рынке в настоящем времени, пытаясь максимально дистанцироваться от опыта его посещения как от досадной ошибки молодости. Для них он остаётся в прошлом и становится просто очередным ярким детским воспоминанием. Сочетая в себе опасность и радостное предвкушение праздника, рынок становился частью многочисленных ритуалов – покупки одежды на лето и на зиму, подготовки к школьному сезону, праздникам, однако теперь они «переросли» его. Проходя через время, рынок в воспоминаниях меняется. Посетители перерабатывают эти изменения и делают их достоянием общественности, например, делясь своими впечатлениями на городских форумах, где часто взаимоисключающие модели прошлого, настоящего и будущего вступают между собой в конфликт. Обилие столь разных опытов посещений, концентрация столь разнонаправленных маршрутов приводят к тому, что в постоянном движении у описываемой локальности исчезает «настоящее». Оно становится практически неуловимым среди множества противоречивых описаний его прошлого.

Таким образом, для посетителей рынка «Шанхайка» становилась местом включения в новую, непривычную систему мобильностей. Само пространство рынка оказывалось пространством неожиданно высокой плотности мобильностей: от движения потоков разных по возрасту и статусу покупателей через рынок до непонятных и хаотичных (на взгляд покупателя) перемещений торговцев и «прочих жуликов и тёмных личностей». Здесь покупатель стал-

кивался с неожиданной локализацией движения, свертыванием масштабных потоков до пределов рынка – нового, необычного и чуждого, а потому зачастую враждебного пространства, границы которого не столько были видны, сколько ощущались [11]. Попав на рынок, зачастую не вполне добровольно, а по необходимости, покупатель оказывался включённым в процесс стремительного изменения социальных ролей и статусов. Зафиксировать тот или иной статус оказывалось невероятно сложно в силу как кратковременности посещения рынка, так и текущей таких состояний: смена роли героя пропповской волшебной сказки [10], нашедшего во враждебном окружении «волшебную» вещь, на роль «дурака» и «лоха» могла произойти почти мгновенно, что предполагалось самой атмосферой рынка. Текучесть, неуловимость этих состояний, нетвёрдость позиций, статусов, ролей и исполнений вовлекала посетителей рынка в не измеряемое, но хорошо рефлекслируемое горожанами движение в неизвестное.

Торговцы

Второй группой, более или менее уверенно выделяемой из пёстрой толпы, движущейся по рынку, являются торговцы. Передвижения торговцев, равно как и служащих таких пограничных локальностей, были наполнены для посетителей рынка неясными смыслами, которые в рефлексиях сводятся к хаотичному движению в замкнутых пространствах, обеспечивающих, тем не менее, связь между мобильностями разного порядка. Иными словами, торговцы описываются как проводники на территорию рынка.

Действительно, в повседневности торговца в пределах рынка, в отличие от других групп, движения сводились к минимуму: большую часть дня он стоял, привязанный к своему прилавку. Его перемещения в пределах рынка ограничивались короткими вылазками в туалет и за едой в обеденный перерыв. Рабочий день торговца начинался с размещения товара на прилавке: было рискованно оставлять его на территории рынка. За товаром охотились охранники, другие торговцы, воры. Гораздо надёжнее было разместить вещи в находящихся неподалеку от рынка складах, расположенных в старых деревянных домах и размещённых здесь же старых железнодорожных контейнерах.

Затем, после того, как товар выкладывался на всеобщее обозрение, торговец стоял возле прилавка, зазывая посетителей. Всё это время он играл роль, в рамках которой должен был дать покупателю то, чего тот захочет, чаще – заставить его так думать. Эта роль часто воспринимается торговцами как временная и чуждая, а «настоящая» жизнь начинается для них именно в тот момент, когда они возвращают себе право на движение, отправляясь с товаром на склады или передвигаясь от рынка к дому. В этот момент они сбрасывают с себя роль торговца. Если торговец в рабочее время ходит по территории рынка без особой надобности, это означает, что рынок умирает, что здесь нет посетителей, которым можно предложить товар, а следовательно, и воров, от которых товар надо охранять.

Как и в случае с другими группами, торговцы не были монолитным объединением, среди них было множество мелких подгрупп, каждая из которых выполняла свои функции и, соответственно, перемещалась в пространстве рынка в других направлениях и с другой интенсивностью. Так, например, были на рынке «кэмелы»:

Есть направление деятельности – «кэмелы». Это «верблюды» по-английски. «Кэмел» – это те люди, которые, значит, находятся около «Шанхайки», около рядов торговых, и они выискивают таких людей, которые, по их мнению, не освоились ещё здесь, пришли что-то купить, ещё глаза у них бегают, вот они их цепляют, говорят: «Что тебе надо? Не надо туда ходить, мы сейчас быстренько все тебе решим вопросики». И они бегут туда и с мешком обратно. «Кэмелы» груз

на себе несут, их так и называли. Они, скажем так, упрощали процесс торговли для тех, кто не хотел туда внедряться, внутрь, там сто-двести рублей накручивали с каждой вещи себе, на свою услугу. Торговцам это было в плюс, потому что они прямо не отходя от кассы могли дать вещь, приходили деньги, не распыляться на всяких остальных. У них есть торговля рядом, Вася подошёл там, узбек, ему дал там три костюма, он их понёс показывать.

Помимо «кэмелов» на рынке были разносчики еды, люди, которые продавали выпечку собственного изготовления торговцам, не имеющим возможности надолго отлучиться от прилавка. Были бабушки, перепродававшие торговцам купленный за пределами рынка «доширак» в придачу с кипятком из термоса.

Торговцы были относительно статичны только в пределах рынка, за его границами уровень их мобильности значительно превышал покупательский. Если посетители были катализатором распространения по городу представлений о рынке и «большом мире», с которым рынок связывает город, то торговцы становились механизмом обмена и транспортировки ресурсов. Зачастую они не планировали перебираться в Иркутск на постоянное жительство и использовали рынок как инструмент для получения и перевода ресурсов в родные регионы, как внутри, так и за пределами России. Для всех торговцев рынок становился форс-мажором: работа по 12 часов в сутки на самом лютном морозе, плохое питание и проживание прямо на территории рынка в контейнерах или импровизированных общежитиях. Это становилось расплатой либо за интеграцию в город, либо за повышение социального статуса в другой стране, если они были приезжими.

Слухи о том, что на рынках Иркутска водятся хорошие деньги, разлетались далеко за пределы города. Люди из бывших советских республик, Китая и Вьетнама, точно так же, как и местные жители, ехали на открытые рынки по совету знакомых, которые уже завели здесь своё дело или просто стояли за прилавком:

Они там нас сказали по телефону, раньше почта был, ходили оттуда звонили, сказали, здесь денег полно... Мы и поехали – заработки здесь. Вот такие дела.

Торговцы, как мигранты, так и местные, оказывались на рынке одинаковыми путями. Как правило, о месте узнавали от родственников или знакомых, которые там торговали и уже успели обрасти каким-то капиталом. Родственники предлагали низовую работу, например, помогать с разгрузкой и продажей товара за определённый процент. Затем человек, накопив определённую сумму, мог заняться своим делом, если не уходил раньше в другие сферы.

Человек добровольно соглашался на эти трудности ради сравнительно лёгкого заработка, и это ставило его в рассказах посетителей – наблюдателей в положение кочевника, который лишь временно остановился на территории рынка и затем продолжит свой путь дальше. Готовность тех, кто работал на рынке, к самому тяжёлому быту обыгрывается в городской мифологии. Бытовая неустроенность становится очередным доказательством экзотичности места и непременным атрибутом образа «китайского» или «среднеазиатского» торговца:

Вопрос: Я часто слышал, что китайцы жили прямо на «Шанхайке», в тех самых больших контейнерах. Вы когда-нибудь смотрели внутрь этих контейнеров?

Ответ: Конечно смотрели (смех). Нары трёхъярусные, всё очень дёшево и сердито. Трёхъярусные нары, под этими нарами находятся их вещи, посередине стоит импровизированный столик, где они готовят пищу, и уголок с печкой обязательно, там, где они готовят еду. Скромно, аскетично, но можно очень сильно удивиться, когда у этого аскета, например, во время личного досмотра миллион в кармане лежит. Не проблема вообще.

Торговец с рынка – почти всегда прибывший откуда-то издалека, именно на этом строится представление о том, кто он такой и чего от него ждать. Такое представление о «кочевом» характере и временности своих занятий и статуса нередко встречается и в нарративах торговцев. Многие из них рассматривали это как промежуточное состояние, возможность заработать себе на «нормальную» жизнь.

Подобное «кочевое состояние» приводило к изменению ценностей: если в глазах посетителей рынка главные ценности торговца – товар, деньги, нажива, то для самих торговцев основной ценностью становилось время. С одной стороны, это скорость оборота, доставки товара – торговец оказывался заложником организации движения товаров, платежей, информации, скорости и плотности этих потоков. С другой стороны, время становилось самым ценным ресурсом на собственном рынке, что обуславливалось высокой стоимостью аренды торгового места: продашь ты в этот день что-то или нет, этот день в любом случае будет стоить тебе денег. В этой перспективе человеческий поток на рынке был для торговца механизмом не концентрации людей в пространстве, но уплотнения процессов: за оплаченный день аренды торгового места движение товаров и денег могло быть больше или меньше. Иными словами, базар для торговца также выступал местом концентрации и повышения плотности потоков: товаров, денег, информации.

Маргиналы

Совершенно иначе движение по рынку описывается людьми, в разное время принадлежавшими к группам, которые можно назвать маргинальными. Если рассмотренные выше группы – посетители и торговцы – занимались на рынке обменом и за счёт этого обеспечивали собственную выгоду, то маргинальные группы занимались здесь отъёмом товара и денег у первых двух. Не брезговали они и случайными подработками, однако основным источником благ для них служили кражи и попрошайничество. Как и посетители, они старались передвигаться по рынку в поисках жертвы быстро и небольшими группами. Это были наиболее интегрированные в неформальную экономику рынка группы: они контактировали со всеми группами, включёнными в повседневность рынка, и с торговцами, и с силовиками. Они лучше других групп знали законы этого места и правила, которые позволяли здесь выжить.

Для маргиналов рынок был более жёстко структурирован, он имел ясно выраженные границы зон влияния. Если для посетителей рынок представлял собой монолитную сцену, с примерно одинаковым распределением в её пределах тех или иных рисков, то для маргинальных групп его структура была намного сложнее. Посетитель пересекал границу рынка и уходил обратно, совершая лишь одно ролевое перевоплощение, маргиналы же пересекали множество границ в пределах рынка, которые посетители и торговцы могли даже не замечать. Маргинальные группы смотрели на рынок как на охотничьи угодья, что определяло специфику их движения по рынку. Большое количество людей, скопление ресторанов и дорогих магазинов в центре города рядом с рынком позволяло рассчитывать как на щедрые подаяния, так и на удачные авантюры. Одной из важнейших территорий, приносящих постоянный доход, были стоянки рядом с рынком. Маргинальные группы могли перевоплощаться по нескольку раз, принимая на себя разные роли, то маскируясь под богатых фланёров, чтобы усыпить бдительность потенциальных жертв, то становясь опасными хищниками, которые нападают и очень быстро уходят. Мобильности маргинальных групп были более активны, чем посетителей. Если посетитель двигался по рынку в поисках идеального товара, стараясь сохранять довольно большую скорость, маргиналы двигались в потоке посетителей неспешно, ускоряясь лишь в тот момент, когда нужно было совершить нападение.

Например, беспризорники, которые воровали у торговцев товар, на протяжении многих лет использовали один и тот же механизм: дети сначала подходили к торговцу, просили упаковать несколько вещей. Продавец, думая, что они заплатят, складывал вещи в пакет. Дети хватали пакет и убегали. Иногда один из группы отвлекал торговца, пересматривая огромную гору вещей, в это время ещё двое закрывали прилавок от взглядов других торговцев, а их товарищ незаметно сбрасывал вещи на землю. Позже уже другая группа проходила мимо прилавка и подбирала их. Соприкосновение с этим потоком настолько вошло в повседневность торговцев, что некоторые торговцы взяли за правило, заведя беспризорников, добровольно отдавать им часть товара, рассматривая это как некую форму благотворительности и, вместе с тем, поддержания стабильности.

Центр города и рынок, конструируемые в нарративах, сильно отличались от того, что создавали в рассказах представители других социальных групп, хотя речь идёт, по сути, об одном и том же пространстве. Многие респонденты на момент описываемых ими событий были детьми, они конструируют мир в нарративах как находящийся «под» тем, что переживают взрослые представители других социальных групп. «Под» землёй, «под» прилавками на рынке, где они искали завалившуюся мелочь, «под» повседневными маршрутами солидных и обеспеченных «дядей».

Маргиналов, пожалуй, можно назвать наиболее мобильной группой в пределах рынка. Если торговцы и посетители в своём движении оставались в большей (для торговцев) или меньшей (для посетителей) степени связаны с местом (торговой «точкой», кафе, складом), то маргиналы жили именно в пространстве рынка, проживая его в движении. Постоянно меняя место жительства, убегая от полиции, торговцев и покупателей, не имея никаких прав, они становились, пожалуй, наиболее ярким олицетворением ситуации движения, которую представлял собой рынок. Важно и то, что маргиналы могли успешно выживать не просто в пространстве рынка, а именно в сложном переплетении мобильностей.

Постоянно плотное движение человеческих потоков, смена их состава составляли существо «охотничьих угодий», обеспечивая не только появление на территории рынков ресурсов (денег, товаров), но и среды, в которой были возможны и одобряемы описанные практики. В переплетении мобильностей *modus operandi* представителей этой группы быстро стал *modus vivendi*, вне которого выживание было сильно затруднено, если не невозможно. Однако данная группа не просто эффективно использовала знание специфики и практики мобильностей как внутри рынка, так и на его границах. Вливаясь в движение человеческих потоков, маргиналы добавляли ему эффект многослойности. В нарративах представителей этой группы описание отдельных практик и их комплексов сопровождается указаниями на вертикальную структуру пространства и движения: «под прилавками», «ниже голов», «подвалы», «коллекторы», «канализация». Такая многослойность позволяла разным видам мобильностей, пересекаясь в пространстве и времени, отличаться, подобно океаническим течениям, глубиной, скоростью, структурой. Это, в свою очередь, приводило к усложнению комплекса мобильностей, которые конструируют социальное пространство рынка.

Заключение

Рассматривая рынок как сосредоточение мобильностей, можно увидеть, как в нарративах представителей различных групп отражаются специфические мобильности, связанные для них с рынком.

Люди, для которых рынок оставался экзотикой, считали его хаотическим местом, но при этом указывали на то, что он помогал им самим преодолеть ситуацию нестабильности. Для

представителей этой группы рынок становился откровенно враждебным пространством – аномально оживлённым местом, окном в мир авантюристов, свидетельством того, что мир становится всё более подвижным.

Для других групп, напротив, привычное и структурно постоянно движение рынка становилось своего рода стабильностью. Если для посетителей рынок становился временным погружением в хаос, то для торговцев – напротив, перерывом между длительными поездками в другие города и страны за товарами. Для маргинальных групп рынок и вовсе был естественной средой обитания, невозможной вне постоянного движения. Чем сильнее та или иная группа была интегрирована в пространство рынка, чем больше времени она там проводила, тем подвижнее была её повседневность, и тем более это воспринималось как норма.

Рынок концентрировал людей, совершающих пространственные перемещения, движение через символические границы воображаемых сообществ, или же тех, кто совершал, вольно или невольно, вертикальную миграцию, перемещаясь между разными социальными группами. И в том, и в другом случае люди попадали в специфическое пограничное социальное состояние, когда их статус был не определён, равно как и их права и обязанности. Для человека, находящегося в пограничном состоянии, расплываются границы социальной нормы, гарантии стабильности и успешности коммуникации для них также не являются столь явными, как для человека, чей статус и положение закреплёно. Так или иначе, рынок становился точкой сосредоточения людей, находящихся в пограничном состоянии, что не могло не сказываться на его качестве.

Плотное движение и пограничное состояние стали причиной такой высокой посещаемости рынка в «девяностые»: толпа чаще всего упоминается в числе неотъемлемых атрибутов рынка. Те, кого обстоятельства или добрая воля толкнули на перемещение между воображаемыми сообществами, приносили «извне» то, чего были лишены люди, которые не решались на такие перемещения. Одежда и обувь, игрушки и кассетные плееры – всё это прибывало вместе с постсоветскими авантюристами в город, всё это было бы невозможно, если бы те или иные горожане не решились бы отправиться в довольно рискованную поездку. Мобильности рождали мобильности – присутствие здесь авантюристов с экзотическими товарами, постоянно кочевавших из страны в страну привлекало сюда более осёдлых жителей города, предоставляя возможность вкушать экзотики или дефицита.

Рынок как средоточие мобильностей создавал питательную среду для существования и повышения статуса социальных групп, которые в условиях «нормального» города вытеснялись на периферию социального пространства. Здесь же они не только пассивно включались в систему социальных интеракций, но в значительной мере изменяли систему социальных иерархий, порождая практики, в которых представители высокостатусных групп оказывались в зависимости от маргиналов. Такие практики выводили жизнь рынка далеко за пределы нормативного регулирования, включали в систему экстралегальных практик даже те группы, высокий статус которых покоился на легальной норме.

Жизнь базара в движении обуславливала расширение сферы влияния «Шанхая» за пределы формальных и неформальных его границ. По мере роста значения «Шанхайки» в организации городских мобильностей расширялось пространство, где главными атрибутами движения становились высокая плотность и неформальность. Это определяло не только специфику организации этой городской локальности, но и характер городских мобильностей в целом, формируя траектории и ритмы движения горожан, общественного и личного транспорта. В свою очередь, эти особенности отражались в городских нарративах, репрезентирующих центр города и главный «китайский» рынок Иркутска.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с.
3. Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки в постсоветских трансформациях городского пространства Иркутска // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 106–113. DOI: 10.17223/19988613/45/16
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2000. 302 с.
5. Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–132. DOI: 10.17223/15617793/419/16
6. Григоричев К.В., Гузей Я.С. Язык «этнических» рынков: базар как пиджин и ситуация границы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 3. С. 530–556. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-530-556
7. Дятлов В.И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 103–119.
8. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 56–71.
9. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
10. Пропп В. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
11. Тимошкин Д.О. Выживание, экзотика, пустота: эволюция «постсоветского» открытого рынка в городских нарративах // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 54–74. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6097
12. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

References

1. Bauman Z. *Liquid Modernity*. S.-Petersburg, 2008. 240 p. (In Russian)
2. Blyakher L.E. *Unstable Social Conditions*. Moscow, 2005. 208 p. (In Russian)
3. Bryazgina D.E. «Chinese» Markets in Post-Soviet Transformations of Urban Space (The Case of Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2017. No. 45. Pp. 106–113. DOI: 10.17223/19988613/45/16 (In Russian)
4. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Moscow, 2000. 302 p. (In Russian)
5. Grigorichev K.V., Dyatlov V.I. «Chinese Markets» of Russia: The Role in the Post-Sustainable Transformation (A Casestudy of Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2017. No. 419. Pp. 121–132. DOI: 10.17223/15617793/419/16 (In Russian)
6. Grigorichev K.V., Guzei Ya.S. The Language of «Ethnic» Markets: Bazaar as a Pidgin and Situation of Border. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics]. 2017. Vol. 21. No. 3. Pp. 530–556. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-530-556 (In Russian)
7. Dyatlov V.I. «Chinese» Market «Shanghai» in Irkutsk: Its Role in the Urban Community Life. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»]. 2014. Vol. 10. Pp. 103–119. (In Russian)

8. Dyatlov V.I., Kuznetsov R.E. «Shanghai» in the Centre of Irkutsk. Chinese Market Ecology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. 2004. Vol. 5. No. 4. Pp. 56–71. (In Russian)
9. Oldenburg R. *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. Moscow, 2014. 456 p. (In Russian)
10. Propp V. *Morphology of the Folktale*. Moscow, 2001. 144 p. (In Russian)
11. Timoshkin D.O. Survival, Exotica and Emptiness: The Evolution of the Post-Soviet Open Market in Urban Narratives. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2018. Vol. 24. No. 4. Pp. 54–74. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6097 (In Russian)
12. Urry J. *Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. Moscow, 2012. 336 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Григоричев К.В., Тимошкин Д.О. Базар в движении: Иркутский открытый рынок как точка концентрации мобильностей // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 26–39. DOI: [10.14530/reg.2019.1.26](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.26)

For citing:

Grigoriev K.V., Timoshkin D.O. Bazaar in the Motion: Irkutsk Open Market as a Concentration Point of Mobilities. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 26–39. DOI: [10.14530/reg.2019.1.26](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.26) (In Russian)

ЯРУЛИН
Илдус
Файзрахманович

Доктор политических наук,
профессор, директор
Института социально-
политических технологий
и коммуникаций,
Тихоокеанский государ-
ственный университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

YARULIN
Ildus
Fayzrakhmanovich
Doctor of political science,
professor, director
Institute of Socio-Political
Technologies and
Communications, Pacific
National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

iarulin@mail.ru

© Ярулин И.Ф.,
Гарнага А.Ф., 2019

УДК 316.34

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ХАБАРОВСКА С ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ

В работе анализируются предпочтения хабаровчан относительно проживания, работы и проведения досуга в разных районах города Хабаровска. Применены два метода делимитации городского пространства – деление на административные внутригородские районы, имеющие чёткие границы, и выделение из городского пространства вернакулярных (ментальных) районов с условными границами. На основании эмпирических данных, полученных в ходе социологического опроса, выявлены некоторые особенности населения административных внутригородских районов. Вернакулярное районирование позволило сформировать карту-схему ряда хабаровских локаций и выявить предпочтения хабаровчан относительно последних.

Внутригородские районы, вернакулярные районы, карта-схема городских локаций, среда города

FEATURES OF THE INTERACTION OF THE POPULATION OF Khabarovsk CITY WITH THE URBAN ENVIRONMENT

The preferences of residents associated with living, working and leisure activities in different parts of Khabarovsk city are analyzed in the article. Two methods of delimiting urban space have been used: the division into administrative intraurban districts that have clear boundaries, and the selection in the urban space of vernacular (mental) areas with conditional boundaries. On the basis of empirical data obtained during a sociological survey, some features of the population of the administrative intraurban districts were revealed. Vernacular regionalization made it possible to form a map diagram of a number of Khabarovsk locations and to identify preferences of Khabarovsk residents relative to these locations.

Intraurban areas, vernacular areas, map-scheme of urban locations, environment of city

ГАРНАГА
Анастасия
Филипповна

Аспирант

Институт социально-политических технологий и коммуникаций,
Тихоокеанский государственный университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

GARNAGA
Anastasiya
Filippovna

Post-graduate student
Institute of Socio-Political
Technologies and
Communications, Pacific
National University, 136,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

neklyudova.anastasiya.90@
mail.ru

Введение

Все сферы жизни общества на протяжении последних десятилетий тяготеют к городам, численность городского населения увеличивается в России в целом и на Дальнем Востоке в частности. Эта тенденция подтверждается результатами Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также пробной переписи 2018 г.¹

Города отличаются от других видов пространственной организации не только большой численностью населения, но и особой средой, описываемой целым рядом качеств социального, природного, объёмно-пространственного, культурного, этнического характера [2].

Для описания города как полиаспектной системы и изучения его особенностей часто интегрируются знания из ряда научных направлений², охватывающих один из таких факторов. Это ведёт к тому, что город изучается узкодисциплинарно, в контексте того или иного научного направления. Авторы настоящей работы полагают, что важной исследовательской и практической задачей является изучение конкретного городского пространства с помощью комплексного междисциплинарного подхода. При этом вкупе учитываются различные природные, градостроительные, объёмно-пространственные, социологические, культурные факторы, которые в конечном счёте организуют городское пространство.

Целью исследования является выявление предпочтений различных групп населения относительно качества городской среды в отдельных районах города Хабаровска.

Социологический опрос жителей Хабаровска: выборка, особенности ведения опроса, портрет респондента

Для получения первичных эмпирических сведений об изучаемом предмете был выбран наиболее распространённый метод социологического исследования – выборочный опрос, который был проведён интервьюерами в очной форме в период с 22 декабря 2018 г. по 20 января 2019 г. Географические рамки были установлены административными границами города Хабаровска. Соответственно, генеральная совокупность равнялась численности городского населения и составляла 589 596 человек³. При доверительном интер-

¹ <https://www.ppn2018.ru/special/>

² «Масштабы и сложность урбанизации современных обществ вызывают растущее внимание к этому процессу со стороны социальной географии, территориального планирования, демографии, социологии, культурологии» [4, с. 19].

³ http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/habstat/population/

вале, равном 5 (пяти), обеспечивается надёжность (доверительная вероятность) на 99,00% выборкой, составляющей 665 человек.

Опрос проводился во всех пяти административных (внутригородских) районах, число респондентов в каждом из которых было прямо пропорционально числу проживающих (*табл. 1*).

Таблица 1

Распределение населения Хабаровска по административным районам и структура выборки

Административные районы	Население		Площадь		Плотность населения, тыс. человек / км ²	Респонденты	
	всего, человек	доля, %	всего, км ²	доля, %		всего, человек	доля, %
Центральный	99 055	16,04	9,6	3,73	10,318	98	14,74
Краснофлотский	90 428	14,65	64,4	25,00	1,404	105	15,79
Кировский	53 762	8,71	9,2	3,57	5,844	57	8,57
Индустриальный	223 115	36,13	80	31,06	2,789	238	35,79
Железнодорожный	151 105	24,47	94,4	36,65	1,601	167	25,11

Источники: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat.ru/statistics/hab_stat/population/; расчёты авторов.

Максимальное число жителей, согласно статистическим данным, насчитывается в Индустриальном и Железнодорожном районах города. Третье место по численности населения занимает Центральный район, четвёртое – Краснофлотский. При этом численность последних отличается незначительно, а плотность населения Центрального превышает плотность населения Краснофлотского района более чем в 4 раза – в связи со значительной разницей площадей этих внутригородских районов, а также с особенностями концентрации жизни города в его центральной части.

Среди респондентов преобладали представители молодого населения, наблюдалось незначительное преобладание числа мужчин в возрасте до 39 лет и женщин старше 40 лет (*рис. 1*). Это объясняется естественными демографическими процессами и особенностями контакта с интервьюерами: в разговор с ними охотнее вступали женщины старше 40–50 лет, нежели мужчины этой же возрастной категории.

Рис. 1. Распределение респондентов по полу и возрасту, человек

На диаграмме чётко прослеживается естественная тенденция уменьшения числа населения с увеличением возраста. Отмечается «провал» для группы 20–29 лет в связи с особенностями демографических процессов и резким падением рождаемости начала 1990-х гг. в России в целом и в регионе и городе в частности.

Практически половина респондентов (47,92%) не состоит в браке (*рис. 2*). Если вычесть 20,98% опрошенных в возрасте до 19 лет, не создавших семью по причине возраста, то получим немногим более четверти респондентов (27%). Причина кроется в изменении социальных ориентиров: традиционная большая семья сменяется нуклеарной (а часто и свободной формой отношений), ослаблено влияние общественного мнения на принятие решений человеком.

Рис. 2. Семейное положение респондентов

Примерно четверть опрошенных воспитывает детей до 18 лет (*рис. 3*). Соответственно, в критериях оценки респондентами степени комфортности жизни в городской локации появляется наличие инфраструктуры для досуга, развития, образования, безопасности младшего поколения.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у вас дети (младше 18 лет)?»

Основная часть (37,8%) проживает в Хабаровске более 25 лет (*рис. 4*). Эти люди, соответственно, являются свидетелями и участниками формирования городских пространств, знают особенности города, имеют мнение о происходящих в городе процессах. 27% проживает в городе менее 5 лет (в их число входят внутренние и внешние мигранты, студенты из малых поселений края и соседних регионов).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как давно вы живёте в Хабаровске?»

Интересно, что ответы на вопрос «В каком районе города Вы проживаете / работаете / отдыхаете?» позволил составить отличный от приведённого выше «рейтинга» внутригородских районов по численности проживающего в них населения: Краснофлотский район переместился на 1-ю позицию (**рис. 5**).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «В каком районе города Вы проживаете / работаете / отдыхаете?»

Если расхождения между порайонной структурой выборки и названными респондентами районами проживания можно объяснить повышенной мобильностью жителей именно Краснофлотского района (с большой долей вероятности среди опрошенных в Индустриальном и Железнодорожном районах оказались жители Краснофлотского), то ещё более значительное опережение этим районом других административных единиц города как места отдыха можно

связать со строительством парка «Северный»¹. К тому же многие горожане называют Краснофлотский район самым «экологичным», «чистым». Такое общественное мнение способствует выбору данного района в качестве места для отдыха.

Анализ предпочтений горожан в отношении городских локаций

Отношение индивидуума к городской среде, складывающееся в процессе взаимодействия с ней, во многом зависит от уровня его персонального благополучия. Ответы респондентов о таковом в большинстве своём сводились к оценке материального благосостояния. Как оказалось, более 80% опрошенных тратят свыше 30% своего ежемесячного дохода на услуги и товары ежедневного спроса, почти 35% – свыше половины дохода (рис. 6). Эти же респонденты отмечали систематичный недостаток средств и особую дороговизну товаров и услуг в Хабаровске.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, какую часть ежемесячного дохода вы/ваша семья тратит на покупку товаров и услуг ежедневного спроса?»

Несмотря на указанные оценки, условия проживания и трудовой деятельности в Хабаровске значительной частью респондентов были оценены как «скорее комфортно» и «абсолютно комфортно» (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько комфортно вам жить и работать в Хабаровске?»

¹ Несмотря на вполне обоснованную критику архитектурного и ландшафтного решений относительно обустройства территории парка среди профессионалов, горожане с особым теплом и чувством причастности к европейской культуре относятся к парку «Северный», называя его первым преимуществом Краснофлотского района в сравнении с другими районами города.

Так как система административных районов Хабаровска лишь отчасти отражает организацию городского пространства, то её использование для полноценного анализа городской среды и взаимодействия с ней горожан затруднительно. Более того, часть горожан испытывает трудности при определении границ административных районов. В коммуникации чаще используются неофициальные названия известных городских мест – «Пятая площадка», «База КАФ», «Авиагородок» и пр. С целью повышения качества и достоверности полученных данных в рамках настоящего исследования были выделены наиболее контрастные и семиотически наполненные локации города Хабаровска – вернакулярные или ментальные районы¹. Схема их размещения (рис. 8) представлялась респондентам интервьюерами в бумажном варианте во время очного общения.

В ходе опроса у горожан выяснялось их отношение к обозначенным местам, в том числе был задан вопрос об их желании проживать в том или ином вернакулярном районе (рис. 9). Большинство респондентов с лёгкостью определялись с ответом относительно большинства пунктов.

В целом ответы «скорее нет» и «нет» преобладали в сравнении с положительными вариантами, что свидетельствует об общем отношении горожан к городским вернакулярным районам, близком к неприятию. Исключение составили «Северный микрорайон» и «Центральная часть города». Последнюю локацию более половины респондентов (57%) отметило как желательную для проживания.

На основании распределения мнения респондентов относительно их желания проживать в том или ином районе из числа приведённых был составлен график их предпочтений (рис. 10).

Два «перелома» графика (превышение числом положительных ответов числа отрицательных) в одном случае («Центральная часть города») можно объяснить стереотипами относительно концентрации общественной, культурной, экономической сфер в историческом городском центре, во втором («Северный микрорайон») – повышением качества среды вследствие строительства парка «Северный» и устойчивым мнением об «экологичности» локации. Самыми же неблагоприятными для проживания локациями жители Хабаровска посчитали «ГУПРовский городок» (граничащий с «Центральной частью города»), «Красную речку», «Первый микрорайон» и «Хабаровск-2».

Заключение

Необходимым элементом исследования предпочтений населения относительно качества среды является использование различных методов делимитации городского пространства. В контексте данного исследования таковым выступило вернакулярное районирование. И хотя авторы в своём исследовании по причинам скорее технического характера не представили районирование всей территории Хабаровска, результаты социологического опроса позволяют сделать вывод о том, что особенности взаимодействия горожан со средой крупных внутригородских районов и со средой конкретных вернакулярных районов отличаются. Отличия также могут наблюдаться и среди вернакулярных районов, находящихся в границах одного внутригородского (административного) района (например, «Рабочий городок» и «Центральная часть города»).

¹ Вернакулярные (ментальные) районы города в отличие от внутригородских, приведённых выше, не имеют официального статуса и чётких границ, а определяются самими жителями на основе их эмпирических знаний об этих пространствах. В рамках исследования не рассматривалась вся территория города Хабаровска: как правило, в каждом из внутригородских районов было выделено несколько наиболее характерных локаций. Подробнее о вернакулярных районах см. в [5; 7; 8; 10; 11; 12]. Хотя указанные публикации в большинстве своём принадлежат перу современных географов, это не уменьшает ценности содержащихся в них идей для социолога. Тем более если вспомнить, что внутригородское зонирование было характерным сюжетом в работах представителей Чикагской социологической школы [1; 3; 6; 9].

Рис. 8. Карта-схема хабаровских вернакулярных районов

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы проживать в одном из перечисленных мест города Хабаровск?»

Рис. 10. График предпочтений горожан относительно проживания в отдельных вернакулярных районах Хабаровска

Таким образом, проведённое исследование подтверждает предположение авторов о результативности деления городского пространства на вернакулярные районы при изучении мнений горожан относительно городской среды. Впоследствии необходимо выполнить сплошное районирование территории Хабаровска для составления более целостной картины общественно-пространственного взаимодействия в городе.

Список литературы

1. Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 1–2. С. 168–181.
2. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2018. 180 с.
4. Долгий В.М., Левада Ю.А., Левинсон А.Г. Урбанизация как социокультурный процесс // Вопросы географии. Сб. 96: Урбанизация мира. М.: Мысль, 1974. С. 19–31.
5. Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
6. Маккензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. № 4. С. 128–143.
7. Павлюк С.Г. Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 2. С. 33–42. DOI: 10.17323/usp22201733-42
8. Павлюк С.Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // Территориальная структура хозяйства и общества зарубежного мира. М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 46–56.
9. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18.
10. Пузанов К.А. Стереотипы внутригородских районов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 2. С. 13–18.
11. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
12. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. М.–Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.

References

1. Burgess E.W. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. 2002. Vol. IV. No. 1–2. Pp. 168–181. (In Russian)
2. Weber M. *The City*. Moscow, 2017. 252 p. (In Russian)
3. Wirth L. *Urbanism as a Way of Life*. Moscow, 2018. 180 p. (In Russian)
4. Dolgiy V.M., Levada Yu.A., Levinson A.G. Urbanization as a Social and Cultural Process. In: *Problems of Geography. Vol. 96: Urbanization of the World*. Moscow, 1974. Pp. 19–31. (In Russian)
5. Kazakova G.M. «The Vernacular Area» as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2017. No. 9. Pp. 57–65. (In Russian)
6. McKenzie R.D. The Ecological Approach to the Study of Human Community. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. 2001. Vol. III. No. 4. Pp. 128–143. (In Russian)
7. Pavlyuk S.G. Urban Local Toponymy as an Indicator of Spatial Self-Organization of Society. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. 2017. Vol. 2. No. 2. Pp. 33–42. DOI: 10.17323/usp22201733-42 (In Russian)

8. Pavlyuk S.G. Key Issues of the Study of Vernacular Areas. In: *Territorial Structure of the Economy and Society of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2009. Pp. 46–56. (In Russian)
9. Park R.E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2006. Vol. 5. No. 1. Pp. 11–18. (In Russian)
10. Puzanov K.A. Stereotypes of Intraurban Areas. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography]. 2012. No. 2. Pp. 13–18. (In Russian)
11. Puzanov K.A. Territorial Borders of Urban Communities. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2013. No. 3. Pp. 27–38. (In Russian)
12. Smirnyagin L.V. About Regional Identity. In: *Changing Geography of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2007. Pp. 21–49. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Ярулин И.Ф., Гарнага А.Ф. Особенности взаимодействия населения города Хабаровска с городской средой // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 40–50. DOI: [10.14530/reg.2019.1.40](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.40)

For citing:

Yarulin I.F., Garnaga A.F. Features of the Interaction of the Population of Khabarovsk City with the Urban Environment. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 40–50. DOI: [10.14530/reg.2019.1.40](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.40) (In Russian)

ДЖУРКА
Наталья
Геннадьевна

Кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042
Старший научный сотрудник
Институт экономики РАН,
Нахимовский пр-т, 32,
Москва, Россия, 117218

DZHURKA
Natalia
Gennadyevna

Ph.D. in economics, senior
research fellow
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Senior research fellow
Institute of Economics, Russian
Academy of Sciences,
32, Nakhimovsky Prospect,
Moscow, Russia, 117218

zakharchenko@ecrn.ru

© Джурка Н.Г.,
Дёмина О.В., 2019

УДК 332.1 + 330.44

ДИНАМИКА МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ ТЭК В ЭКОНОМИКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В работе рассмотрены ограничения и возможности стимулирования экономического роста Дальнего Востока за счёт развития отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Проанализированы трансформации, происходившие в отраслях ТЭК макрорегиона в 2012–2015 гг. На основе матриц социальных счетов (МСС) макрорегиона показано, что увеличение мультипликативных эффектов от добычи углеводородов обусловлено ростом глубины переработки углеводородного сырья (создание Амурского ГПЗ), тогда как снижение мультипликативных эффектов от добычи угля, нефтепереработки и электроэнергетики связано с ухудшением конъюнктуры мировых рынков энергоресурсов (снижение цен, падение курса рубля, рост издержек производства).

Топливо-энергетический комплекс, топливо-энергетический баланс, матрицы социальных счетов, мультипликатор, Дальний Восток

DYNAMICS OF MULTIPLICATIVE EFFECTS OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FAR EAST

The paper discusses the limitations and opportunities to stimulate economic growth in the Russian Far East by means of the development of the fuel and energy complex. The authors analyze the transformations that occurred in the fuel and energy complex of the macroregion in 2012–2015. Based on the social accounts matrices, it is shown that the increase in multiplicative effects from hydrocarbon production is caused by the increase in the depth of hydrocarbon processing (the creation of the Amursky gas processing plant), while the decrease in multiplicative effects from coal mining, oil refining and electric power industry is associated with a worsening of the situation on the world energy markets (prices fall, drop in the exchange rate of ruble, increase in production costs).

Fuel and energy complex, fuel and energy balance, social accounting matrix, multiplier, Russian Far East

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-310-00083 «Исследование воздействия системы энергоснабжения на окружающую среду и возможностей его интернализации».

**ДЁМИНА
Ольга
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Olga
Valeryevna**

Ph.D. in economics, senior
research fellow
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demina@ecrin.ru

Введение

В настоящее время одним из приоритетов выбранного и защищаемого государственной элитой политического курса является ускоренное развитие Дальнего Востока¹, в том числе за счёт отраслей топливно-энергетического комплекса. Региональные макропоказатели, действительно, подтверждают увеличение вклада ТЭК в экономику макрорегиона. К 2016 г. доля комплекса в структуре ВРП возросла до 20,2%, в структуре промышленного производства – до 49,8% (для сравнения: в 2005 г. эти показатели составляли 10,6% и 41,1% соответственно). Вместе с тем вопрос о том, каковы возможности отраслей ТЭК с точки зрения не просто наращивания масштабов, но и влияния на динамику экономики макрорегиона, остаётся открытым.

В ряде работ проанализировано состояние ТЭК Дальневосточного макрорегиона и показано, что комплекс пережил ряд важнейших структурных трансформаций [3; 5; 6; 9; 11]. Если до середины 2000-х гг. отрасли ТЭК были ориентированы преимущественно на удовлетворение внутрирегионального спроса, то к 2010 г. они приобрели статус отраслей экспортной специализации.

На сегодняшний день среди особенностей функционирования ТЭК Дальнего Востока можно выделить:

- преобладание в структуре выпуска комплекса продукции добывающих отраслей и вместе с тем развитие новых производств (газопереработка и газохимия);
- ориентацию производства на экспорт и вместе с тем наличие инфраструктурных ограничений по наращиванию физических объёмов экспорта;
- локализацию экономических интересов за пределами макрорегиона.

При весьма противоречивых изменениях, происходящих в рамках ТЭК Дальнего Востока, анализ влияния структурных параметров комплекса на экономику макрорегиона приобретает особую актуальность.

В настоящее время создана научная и расчётная база, включающая широкий спектр модельных конструкторов, ориентированных на структурный анализ экономики макрорегиона. Целям исследования внутренних возможностей развития макрорегиона в условиях изменения интенсивности

¹ В работе Дальний Восток рассматривается в границах Дальневосточного федерального округа по состоянию до 3 ноября 2018 г., включающего территорию 9 субъектов РФ: Республики Саха (Якутии), Хабаровского, Приморского и Камчатского краёв, Амурской, Магаданской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа (без Забайкальского края и Республики Бурятия).

его взаимодействий с остальной страной и остальным миром в наибольшей степени отвечает балансовое моделирование.

К современному инструменту балансового моделирования региональной экономики предъявляются два ключевых требования. Во-первых, такой инструмент должен быть основан на категориях и классификациях концепции национального счетоводства. Во-вторых, он должен отражать всё многообразие экономических связей в единстве материально-вещественных и финансовых потоков. Этим требованиям удовлетворяют матрицы социальных счетов (МСС). В настоящей работе предпринимается попытка оценить МСС 2012 и 2015 гг. с расширенным составом производственных счетов, отражающих структурные взаимосвязи в рамках ТЭК Дальнего Востока, и получить на этой основе представление о динамике развития комплекса и его влиянии на экономику макрорегиона.

Производственные связи отраслей ТЭК Дальнего Востока

Структура матриц социальных счетов Дальнего Востока

Со статистической точки зрения МСС представляют собой сбалансированную систему макропоказателей, которая основана на сводной и первичной информации, характеризующей деятельность институциональных секторов экономической системы за год. В мировой практике в соответствии с концепцией национального счетоводства разработана унифицированная форма агрегированной МСС. Адаптация данной формы к моделированию структуры конкретной экономической системы сопряжена прежде всего с поиском возможностей количественного описания трансакций по созданию ресурсов товаров и услуг, образованию, распределению, перераспределению и использованию доходов институциональных секторов.

Несмотря на сложности построения МСС, связанные прежде всего с доступностью статистической информации, сегодня опубликованы работы на основе матриц для ряда регионов РФ, в числе которых, например, Хабаровский край [2] и Свердловская область [10]. С опорой на результаты проведённых исследований [1; 2; 4; 7; 8] мы оценили матрицы для Дальнего Востока за 2012 и 2015 гг. со следующей конфигурацией счетов:

- счета производства, представленные в разрезе 7 отраслей: добыча газа, нефти и угля, нефтепереработка, теплоэнергетика, электроэнергетика и прочие отрасли;
- счета факторов производства – труд и капитал;
- текущие и капитальные счета, представленные в разрезе таких институциональных секторов, как домашние хозяйства, реальный сектор, региональное правительство, федеральное правительство, остальная страна и остальной мир.

Построение региональных матриц социальных счетов предполагает разработку ряда вспомогательных опорных балансов, к которым относятся прежде всего балансы спроса и предложения товаров и услуг, балансы доходов и расходов институциональных секторов региона. Оценка указанных балансов, а также их интеграция в единую МСС осуществлялись с использованием методики, описанной нами в ранее опубликованных работах [2; 4]. В данном случае основное внимание уделим информационному наполнению счетов производства.

ТЭК в экономике региона (описание основных потоков энергоресурсов)

Счета производства в МСС для Дальнего Востока являются производными от топливно-энергетических балансов (ТЭБ) макрорегиона, которые строятся в двух вариантах – в физических и стоимостных единицах измерения, а также системы региональных счетов. ТЭБ харак-

теризует все стадии преобразования и использования энергоресурсов: поступление (добыча первичных энергоресурсов, ввоз), трансформация, конечное потребление и вывоз (*рис. 1*).

Рис. 1. Топливо-энергетический баланс Дальнего Востока в 2012 и 2015 гг., млн т у.т. (условного топлива)

Примечание: в числителе приведены данные за 2012 г., в знаменателе – за 2015 г.

Источник: расчёты авторов.

В 2012–2015 гг. в макрорегионе наблюдался рост производства первичных энергоресурсов. За указанный период максимально выросла добыча нефти – в 1,3 раза, добыча угля и природного газа увеличилась в 1,1 раза. При этом доли нефти и природного газа в структуре производства первичных энергоресурсов в макрорегионе практически сравнялись: 38% и 37% соответственно. Увеличение объёмов добычи нефти было синхронизировано с соответствующим развитием транспортной инфраструктуры, в то время как наращивание добычи природного газа в макрорегионе сдерживалось локальным характером газотранспортных систем.

Несмотря на то, что Дальний Восток обеспечен в полном объёме собственными энергоресурсами, в макрорегион осуществляются поставки нефти и угля. Направления и масштабы поставок энергоресурсов в макрорегион в 2012–2015 гг. сохраняли стабильность.

В структуре ввозимых в макрорегион энергоресурсов 84% составляет нефть, которая поставляется из Уральского и Сибирского федеральных округов и направляется на НПЗ. Необходимость в поставках нефти на Дальний Восток определяется двумя условиями: НПЗ входят в структуру вертикально интегрированных компаний, а нефть на них поступает как давальческое сырьё; добыча нефти в макрорегионе преимущественно осуществляется в рамках проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», ориентированных на экспорт нефти в рамках соглашений о разделе продукции (лишь незначительные объёмы нефти с сухопутных месторождений Сахалина поступают на Комсомольский НПЗ (до 2 млн т в год).

Поставки угля в макрорегион необходимы в связи с тем, что уголь не является однородным продуктом, местный уголь не отвечает качественным характеристикам в качестве проектного угля для ряда электростанций. На Дальний Восток поставляется уголь с месторождений Сибирского федерального округа (преимущественно Канско-Ачинский, Кузнецкий, Читинский и Хакасский).

На стадии преобразования энергии осуществляется расход первичных энергоресурсов и производство вторичных энергоресурсов. При этом в балансе отражается сальдированный результат. Наиболее динамичные изменения за 2012–2015 гг. на стадии преобразования были обусловлены изменениями, происходящими в электро- и теплоэнергетике – наиболее крупных потребителях первичных энергоресурсов. На производство электрической и тепловой энергии

на Дальнем Востоке ежегодно направляется порядка 22 млн т у.т. В результате программы газификации макрорегиона наблюдалось замещение угля природным газом в структуре топливной корзины электростанций и котельных: в 2015 г. по сравнению с 2012 г. доля газа выросла на 6,2% (с 30,4% до 36,6%). Так как программа газификации электростанций в макрорегионе в основном завершена, то дальнейшие изменения в рамках данной стадии будут обусловлены созданием новых отраслей ТЭК (газоперерабатывающих и газохимических производств) и развитием нефтепереработки.

Порядка 70% объёма первичных энергоресурсов, добываемых в макрорегионе (71,3 млн т у.т. из 99,1 млн т у.т. первичных энергоресурсов), направляется на экспорт. Кроме первичных энергоресурсов макрорегион экспортирует нефтепродукты (7,6 млн т у.т.) и электрическую энергию (0,4 млн т у.т.). Именно внешний спрос определяет динамику добычи энергоресурсов в макрорегионе. При этом действующая в макрорегионе энергетическая инфраструктура, предназначенная для экспорта российских энергоресурсов на рынки стран АТР, задействована практически до предела, в то время как существующий потенциал производственных мощностей по добыче и производству энергоресурсов имеет резерв роста.

Развитие внутреннего спроса на энергоресурсы ограничено в силу малых масштабов экономики и низкой численности населения Дальнего Востока. Конечное потребление энергоресурсов составляет только 31% от объёма экспорта энергоресурсов. Основную долю в структуре конечного потребления энергоресурсов занимают тепловая энергия (36%), нефтепродукты (34%) и электроэнергия (18%). На Дальнем Востоке не получили развитие энергоёмкие обрабатывающие отрасли, поэтому крупнейшими потребителями являются транспорт и население.

Несмотря на общий рост физического объёма поставок региональных энергоресурсов ситуацию с показателями экономической отдачи комплекса однозначной назвать нельзя. В 2015 г. по сравнению с 2012 г. ухудшились условия функционирования отраслей ТЭК: снизились цены на энергоресурсы на мировых рынках, произошло падение курса рубля, наблюдался рост издержек производства в комплексе. Мультипликативные эффекты отраслей ТЭК, оцененные на основе МСС, дают комплексное представление о влиянии комплекса на экономику макрорегиона.

Оценка мультипликативных эффектов отраслей ТЭК

Оценки генерируемых в экономике Дальнего Востока ростом внешнего спроса на продукцию топливно-энергетического комплекса мультипликативных эффектов, полученные на основе матриц социальных счетов за 2012 и 2015 гг., представлены в [таблице](#).

Прежде всего следует отметить, что максимальный прирост валового выпуска в макрорегионе генерирует электроэнергетика ввиду её «тесных» прямых и косвенных связей с остальной экономикой макрорегиона.

По результатам расчётов, за рассматриваемый период мультипликативные эффекты увеличились в отраслях по добыче углеводородов. Например, если в 2012 г. рост внешнего спроса на природный газ на 1 рубль обеспечивал прирост валового выпуска в регионе на 0,640 рублей, то в 2015 г. – на 0,820 рублей. Прежде всего это связано с инициализацией инвестиционных проектов по увеличению глубины переработки углеводородного сырья в макрорегионе, в числе которых строительство Амурского газоперерабатывающего завода, а также с реализацией в макрорегионе программы газификации. При этом доходы в реальном секторе макрорегиона от роста внешнего спроса на углеводороды, собственно как и на нефтепродукты, в 2015 г. генерировались в меньшем объёме, чем в 2012 г., что отражает изменения финансовых потоков в рамках вертикально интегрированных рыночных структур.

Таблица

Мультипликативные эффекты в экономике Дальнего Востока,
генерируемые ростом внешнего спроса на продукцию ТЭК, рублей/рублей

Показатель	Газ	Нефть	Уголь	Нефтепродукты	Электроэнергия
2012 год					
Валовой выпуск	1,640	1,505	2,378	1,394	2,603
Доходы домашних хозяйств	0,542	0,540	0,553	0,384	0,711
Доходы реального сектора	0,776	0,810	0,556	0,295	0,406
Доходы региональных бюджетов	0,145	0,152	0,124	0,081	0,119
2015 год					
Валовой выпуск	1,820	1,805	1,508	1,335	2,008
Доходы домашних хозяйств	0,622	0,617	0,634	0,168	0,657
Доходы реального сектора	0,706	0,704	0,836	0,148	0,492
Доходы региональных бюджетов	0,171	0,177	0,199	0,057	0,170
Разница мультипликаторов в 2015 и 2012 гг.					
Валовой выпуск	0,180	0,301	-0,870	-0,060	-0,595
Доходы домашних хозяйств	0,080	0,078	0,081	-0,216	-0,054
Доходы реального сектора	-0,070	-0,106	0,279	-0,147	0,086
Доходы региональных бюджетов	0,026	0,026	0,075	-0,024	0,051

Источник: расчёты авторов.

Что касается добычи угля, нефтепереработки и электроэнергетики, то снижение мультипликативного эффекта этих отраслей хоть и вызывает вопросы, но лишь с точки зрения физического ТЭБ. В 2012–2015 гг. зафиксировано резкое сокращение цен на энергоресурсы: цена на нефть снизилась на 51%, нефтепродукты – на 48%, уголь – на 38%, природный газ – на 35%, электрическую энергию – на 23%. Нарастивание физического объёма поставок в трёх отраслях ТЭК не позволило компенсировать снижение уровня цен готовой продукции. При этом снижение цены на нефть для нефтепереработки региона позитивным фактором назвать нельзя, поскольку используемое в этой отрасли сырьё – давальческое. Производственные издержки электроэнергетики увеличились в связи с изменением валютного курса. Порядка 70% природного газа на ТЭЦ ОЭС Востока приобретается по контракту с консорциумом «Сахалин-1», расчёты по которому осуществляются в валюте (долларах США).

Заключение

В работе получены оценки структурных связей и мультипликаторов, отражающих степень влияния топливно-энергетического комплекса на экономику Дальнего Востока. Результаты исследования подтверждают сделанные ранее авторами выводы об ограниченных возможностях экономического роста Дальнего Востока и его территорий за счёт развития отраслей ТЭК [4; 5].

Даже в рамках рассматриваемого среднесрочного интервала мультипликативные эффекты отраслей ТЭК макрорегиона не отличались стабильностью (максимальное изменение мультипликатора валового выпуска – 36,6%, мультипликатора доходов – 60,2%). Более того, рост физических объёмов производства отнюдь не означал обязательный рост для макрорегиона экономической отдачи отраслей ТЭК. В сложившихся условиях планирование развития комплекса должно осуществляться с учётом сложной структуры его прямых и косвенных связей с остальной экономикой региона. В противном случае выбранные приоритеты и составленные планы будут иметь исключительно декларативный характер.

Список литературы

1. Власюк Л.И. Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. 208 с.
2. Власюк Л.И., Захарченко Н.Г., Калашников В.Д. Исследование региональных экономических пропорций и мультипликативных эффектов: Хабаровский край // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 44–66. DOI: 10.14530/se.2012.2.044-066
3. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее / Под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
4. Захарченко Н.Г., Демина О.В. ТЭК в экономике региона: оценка мультипликативных эффектов // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 33–54. DOI: 10.14530/se.2013.1.033-054
5. Захарченко Н.Г., Демина О.В. Моделирование экономических взаимодействий в системе «энергетика – экономика»: опыт Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2015. № 1. С. 62–90. DOI: 10.14530/se.2015.1.062-090
6. Калашников В.Д. Топливо-энергетический комплекс Дальнего Востока: трансформация условий развития // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 3–10.
7. Михеева Н.Н. Макроэкономический анализ на основе региональных счетов. Владивосток: Дальнаука, 1998. 176 с.
8. Михеева Н.Н. Статистическая оценка таблиц «затраты – выпуск» для российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 61–79. DOI: 10.14530/se.2005.2.061-079
9. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 1226 с.
10. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 218–234. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.12
11. Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть. 2015. № 12. С. 3–12.

References

1. Vlasyuk L.I. *Forecasting of the Macroregion Economy: The Far East*. Khabarovsk, 2012. 208 p. (In Russian)
2. Vlasyuk L.I., Zakharchenko N.G., Kalashnikov V.D. Studying Regional Macroeconomic Proportions and Multiplier Effects: Khabarovsk Krai. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2012. No. 2. Pp. 44–66. DOI: 10.14530/se.2012.2.044-066 (In Russian)
3. *The Eastern Vector of Russia's Energy Strategy: State of the Art and Prospects*. Ed. by N.I. Voropai, B.G. Saneev. Novosibirsk, 2011. 368 p. (In Russian)
4. Zakharchenko N.G., Dyomina O.V. The Role of the Energy Sector in Regional Economy: Estimating

- Multiplicative Effects. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2013. No. 1. Pp. 33–54. DOI: 10.14530/se.2013.1.033-054 (In Russian)
5. Zakharchenko N.G., Dyomina O.V. Modelling Energy – Economy Interactions: The Far East Experience. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2015. No. 1. Pp. 62–90. DOI: 10.14530/se.2015.1.062-090 (In Russian)
6. Kalashnikov V.D. Fuel and Power Sector of the Far East: Transformation of Development Conditions. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2006. No. 3. Pp. 3–10. (In Russian)
7. Mikheeva N.N. *Macroeconomic Analysis Based on Regional Accounts*. Vladivostok, 1998. 176 p. (In Russian)
8. Mikheeva N.N. Statistical Estimation of Input-Output Tables for the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2005. No. 2. Pp. 61–79. DOI: 10.14530/se.2005.2.061-079 (In Russian)
9. *From Idea of Lomonosov to Real Development of Territories of Urals Mountains, Siberia and the Far East*. Ekaterinburg, 2009. 1227 p. (In Russian)
10. Tatarkin D.A., Sidorova E.N., Trynov A.V. Simulation of Structural Changes in the Region's Economy Based on the Matrix of Financial Flows. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2017. Vol. 10. No. 1. Pp. 218–234. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.12 (In Russian)
11. Eder L.V., Filimonova I.V., Moiseev S.A. The Oil and Gas Industry in Eastern Siberia and the Far East: Trends, Challenges, *Current Status*. *Burenie i nef't'* [Drilling and Oil]. 2015. No. 12. Pp. 3–12. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Джурка Н.Г., Дёмина О.В. Динамика мультипликативных эффектов ТЭК в экономике Дальнего Востока // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 51–58. DOI: [10.14530/reg.2019.1.51](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.51)

For citing:

Dzhurka N.G., Dyomina O.V. Dynamics of Multiplicative Effects of the Fuel and Energy Complex in the Economy of the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 51–58. DOI: [10.14530/reg.2019.1.51](https://doi.org/10.14530/reg.2019.1.51) (In Russian)

Regionalistica **[Regionalistics]**

2019 Vol. 6 No. 1

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2019

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
K.V. Grigorichev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)
M.Yu. Urnov, Doctor of Political Science (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.V. Sevastianov, Doctor of Political Science (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)